

18+

Вячеслав Киктенко

Неандертальца ищут

Роман-идиот.
Первая часть

Вячеслав Киктенко

**Неандертальца ищут. Роман-
идиот. Первая часть**

«Издательские решения»

Киктенко В.

Неандертальца ищу. Роман-идиот. Первая часть / В. Киктенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514264-1

Историко-фантастический роман. Действие протекает как в нынешнее время, так и тысячи лет тому назад. Отрывок, из которого понятен общий замысел: «В последнее время стал замечать: хожу по улицам, еду в метро — высматриваю неандертальца. О, я хорошо научился отличать его от кроманьонца. Черты его, почти неуловимо отличные от большинства современных двуногих, дикое и притягательное благородство этих черт — глубоко скрытое благородство, могущество духа его, вот что меня влечёт в моих поисках!..»

ISBN 978-5-00-514264-1

© Киктенко В.
© Издательские решения

Неандертальца ищут

Роман-идиот. Первая часть

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-4264-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-4265-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Первая часть романа «Неандерталец»:
«НЕАНДЕРТАЛЬЦА ИЩУ...»**

Слоны и мамонты.

Неандертальцы говорили медленно...

Неандертальца ищут...

В последнее время стал замечать: хожу по улицам, еду в метро – высматриваю неандертальца...

О, я хорошо научился отличать его от кроманьонца. Черты его, почти неуловимо отличные от большинства современных двуногих, дикое и притягательное благородство этих черт – глубоко скрытое благородство, могущество духа его, вот что меня влечёт в моих поисках!..

Неандертальцы любили холод. Теперь любят тепло. Кроманьонцы. Но оно живёт на других континентах. В России не живёт.

Холодно в России... останки ледника, однако...

Мамонты здесь обитают, а не бритые слоны-скинхеды. Подумать только, в России вечная мерзлота – на две трети всего огромного пространства! И кто же здесь живёт? А – Русские...

А кто они такие? Ну, пожалуй, об этом книга. В сущности, она, конечно, о неандертальцах. О великанах, о детях... о русских.

Изменённое сознание (*остранённое*) – признак Неандертальца. Родовой, а не психофизиологический признак. «Тронутый» (чем-то свыше), но не свихнувшийся...

Неандертальцы не погибли. Просто ушли... вошли в иное измерение.

Но они – здесь. Знаю...

Нет, совсем плохого о кроманьонцах не скажу. Да особо плохого и нет, но – жиже они, жиже... умнее, подлее, и – гораздо, гораздо гармоничнее, гибче по отношению к постоянно деформирующемуся миру...

Ах ты, Господи... кроманьонец... кто ты?

Как о тебе сказать понежнее?

Может быть, так – **Провонявший корвалолом?..**

Нет, кроманьонцы не истребляли неандертальцев, как более ловкие и слабые твари обычно истребляют сильных и неуклюжих. Враньё. Теперь, когда найдены древнейшие стоянки и пещеры неандертальцев (почти по соседству со стоянками кроманьонцев той же поры), их наскальные рисунки охрой и даже остатки их диковинной письменности, стало ясно, что вовсе они не враждовали между собою. Просто жили наособицу.

Разные уклады, разнящаяся внешность, структура психики, нравственных основ – всё было разным. И не надо вместе! Лучше – каждый отдельно. Они это хорошо понимали и не враждовали, просто жили на отдельных территориях. Но генотип-то у тех и других одинаков, набор хромосом также...

Скажу малокомфортное: неандертальцы наши прародичи. Учёные этого так уж впрямую ещё не утверждают. А мне и не надо, всё равно «утвердят», знаю. Хорошо хоть, обнародовали научный факт, который уже просто неприлично было скрывать. – Анализ ДНК неандертальцев показал: из ста процентов генома современного евразийца (кроманьонца по сути) что-то в пределах четырёх-шести процентов идентичны неандертальцу.

Что интересно, геном негроида совершенно иной – там нет этих процентов. Вот он где, водораздел Евразии и Африки: неандертальцы жили на наших территориях! Мы их потомки, дальние-дальние родичи...

И, конечно, если возникали у тех или других племён «демографические проблемы», действовали по принципу взаимовыручки.

Чего не выручить соседа?

Подозреваю, что и великие любовные трагедии случались. И вылись, и мычались первобытные эти трагедии певцами любви на голых ветрах, среди гулких скал, в глубинах пещер, и слушали их потрясённые соплеменники, и проливали слёзы, но... помочь ничем не могли. У каждого – судьба своя, свой путь.

Это тайна, которую ещё предстоит разгадать, тайна двух параллельных миров, тайна их взаимной любви, неизвестной ныне...

Зуб и Капелька

...Зуб укутал мохнатыми, тёплыми кусками мамонтовой шкуры детей и уложил спать в дальнем, самом тёплом углу пещеры. Подвинул выкорчеванный пенёк, уже порядочно обгоревший с одной стороны, поближе к огню, дотлевавшему в середине жилища. Направил потоки дыма деревянными заслонами в аккуратно продолбленное отверстие каменного свода пещеры. И только после этого раздвинул плотно сплетённую из толстого хвоща колючую занавесь, надёжно прикрывавшую овальное и почти незаметное за ней устье пещеры.

Зуб вышел за добычей.

Тяжёлое солнце ударило по глазам после полумрака пещеры. Ещё бы, лишь тлеющее мерцание никогда не гаснувшего огонька освещало его жилище, а здесь, на резком свете и просторе, Зуб невольно прижмурился и отвернулся от солнца. Освоившись на свету, побрёл, было, к соседям, но вспомнил с досадой, что вчера уже побывал у них, и вернулся ни с чем.

Не хотелось оставлять малышей одних, но Урыл, охотник из соседней пещеры, только злобно и неуступчиво заурчал, когда Зуб попросил, чтобы его жена Угляда посторожила детей, пока он будет разделять мамонта, вчера попавшего в его хитрую, укрытую лапником яму и вчера же добротной забитого камнями. Разделка требовала не только сноровки, её-то Зубу не занимать, но и времени.

Хорошо ещё, что успел ночью отточить чёрный, порядочно уже иззубренный базальтовый нож. Он требовался не только для разделки туши, для этого годился и простой гранитный топор. Острый нож незаменим для более тонкой работы, аккуратного и чистого отделения драгоценной шкуры от мяса...

...два параллельных мира, которые – всё же! – пересекались, пересекались. И не так уж редко, по-видимому. Именно — **по видимому**. Ведь я же их вижу! Въяве вижу, на улицах, в магазинах вижу...

Ну, не так чтобы совсем **тех** вижу, но черты их узнаю. Вот, к примеру, – Баски. Откуда они?.. В них сохранились более, чем у других, рубленные черты лица, «корявость» некая... или, вот, скандинавы... но о них разговор особый. Или северные русские – там такие встречаются!..

А вот – покатым лобом, нередко низковатым, «сплюснутым» (Максим Горький, к примеру), выдающиеся надбровные дуги (Лев Толстой) ... особый, более мощный костяк, особая волосатость... да я не столько уже в детали всматриваюсь, более ощущаю эманацию, чую Образ Неандертальца. Всего. Целиком. Сразу.

Конечно, и черты кроманьонца там непременно проглядывают... но если проступает Неандерталец, я это сразу чувствую – **родной!**

Кроманьонцы – сгоревшие звёзды. Мы ещё видим свои собственные, горящие в небе, во вселенной, во времени – хвосты, искры, огненные полосы, но...

Эра кроманьонцев сгорела. Сгорела не вся, и не всё в ней, конечно, сгорело. Сгорело *пошлое, хапающее, недалёковидное*, составившее в конце эры – несоразмерно Поэзии – большую часть смысла. Замысла Жизни...

*«...вдруг вспышка ослепит – под илом жизни жирным
Блаженно заплелась, не разлепляя век,*

*Паук в глухом трико, червяк в чулке ажурном,
В пушистой шубе зверь, и голый человек —
С пучками в голове... под мышками... в паху...
Один, как дьявол, наг, один не на меху,
Один, издавший смех, один, впадавший в грех,
Один, снимавший мех
(Один за всех) —
Со всех!..»*

(Здесь и далее по тексту почти все стишки – останки архива Великого. Великого чудака, чудика, сумасброда, поэта. О нём ниже, главным образом в завершающей части книги «Неандерталец», в части под названием «Певчий Гад»)

...не сказать, чтобы вовсе бесславно сгорели кроманьонцы, но их культура, их цивилизация оказались явно несоразмерны расширяющимся полям информации, мало приспособлены к мощи, к объёму всё более открывающейся вселенной, неожиданным пространствам нового неба, в которое вворачиваемся – поворачиваемся ещё, неуклюже там проворачиваемся...

Время Неандертальца – извернувшись через самоё себя – возвращается на землю. И это стоит отдельного разговора...

*«...помню историю странную эту:
Мамонт, ушедший в могилу-планету.
Кости громадные... знаки дорожные...
**«На пути История.
Осторожно...»***

Ушли неандертальцы в неведомое измерение. И не от климатических каверз. Да и не от булыжников или топориков кроманьонцев, ушли от – Обиды. От великой обиды за нарождающуюся цивилизацию, вероломную, хапающую... они увидели её в самом начале. Но развернув это начало в мысленной перспективе, ужаснулись...

И предпочли уйти.

*«Мамонты ржавые, как дирижабли,
Скрипят на канатах, поскрипывают...
Эпос планеты, космос державы,
Скрежет зубовный Истории
ржавой
Постскриптумами...»*

2. Потоп.

Постскриптумами Истории, очередными, были останки Мамонтов.

Но не только. Много их, этих останков-постскриптумов. Останков и предостережений много... выводов мало.

А что следует там, за ископаемыми? Потоп? Или он – *перед ними*? Да и сколько их, потопов? Никто не сочтёт. Только снова и снова – потоп, потоп, потоп!..

Предвещанный древними, ставший почему-то (очередная спекуляция?) одной из самых «актуальных» тем. Изо всех экранов – галдёж о новом Потопе. Апокалиптика.

Кому-то это нужно...

Учёным, астрологам, политикам? Какой-то ещё мировой сволочи?

А какая выгода? Может быть, никакой. Тупик, и всё...

«...входит один в кабинет

Грустно глядящий бандит.

Говоришь ему – нет!

А он смотрит и смотрит.

Вспомни, мол, неолит...

...а потом приходит одна

И говорит – я вам жена.

Внучка мамонта и слона.

Вот те шуточки,

Вот те на.

Ну а на фиг,

А на хрена?..»

А не сами ли кроманьонцы, изверившись в себе, потоп приближают, и кликушествуют в самоутешительной истерике, и видят в нём избавление... от кого?

Да от самих же себя!..

«...и воды, и вечные воды шумят...»

А предвестья небес? А метеоритные дожди, а поезда астероидов, взявших курс на планету Земля? Кто-то их «прогнозирует» и тем самым приближает. А что там откроется, новый рисунок звёздного неба? Только и всего. Тоже мне, конец света. Размечтались...

Впрочем, красиво жить, тем более мечтать не запретишь. Конец Света...

А может быть, речь идёт о конце Нового Света? То есть, древние индейцы говорили о гибели их континента, а не всей планеты? В таком случае понятен американский интерес к новым территориям, на которые придётся переселяться.

А значит, и «волну погнать» в масс-медиа не лишнее, и сделать «проверку на вшивость» – погромить часть Африки, Азии, Европы, подобраться к России, которая – по всем прогнозам – чуть ли не единственная из всех стран уцелеет, благодаря мощной тектонической плите под Евразией...

Тот Свет... Новый Свет...

Отправиться в Новый Свет означало когда-то не только путешествие в Америку. Свидригайлов у Достоевского именно туда направлялся. Позже стало понятно, куда намеревался знаменитый самоубийца...

Сами же кроманьонцы, надоевшие себе, испугавшиеся себя, размечтались и придумали утешительную страшилку. Про Новый Свет...

*И звёзды,
И вечные звёзды летят...*

Обрыдли мелочность, несправедливость, равнодушие... всё! Всё бессмысленно, когда пожрать в три глотки, совокупиться где угодно, с кем угодно, сейчас же, не откладывая ни на секунду. Не дать себе засохнуть!.. – Апофеоз! Цивилизация-с. Соки сосать, землю сосать... сла-аденько... поди, не откажешься...

*И воды шумят,
И звёзды летят...*

...а земля-то – махонькая...

...вот ропоты и зашумели, и небо переменилось, и океаны, и звёзды...

*Шумят...
Летят...*

Никуда не летят. Всегда летим – во вселенной. Хотя и живём в провинции, во вселенской глухомани, в маленькой солнечной системке, на отшибе Млечного Пути, в глухой-глухой деревеньке. А мним о себе...

Столичные жители, блин!

«Беда, беда! – вопиял в телевизоре заслуженный учитель литературы – дети перестают воспринимать язык Пушкина!.. Хлебникова им, видите ли, подавай...»

На стене школьного туалета:
«Все жанры хороши, кроме Пушкина»

Великий Велимир... великий Неандерталец Хлебников!..

...а вот, задолго-задолго: Давид – кроманьонец. Голиаф – Неандерталец. Голиаф мощнее Давида, но тот хитрее – не на «честной бой» пошёл, а заложил камень в пращу. «Контактного», честного боя не получилось. И всё пошло вразнос. Кроманьонцы начали диктовать свои законы.

В том числе законы Истории...

...Адам зарыт в Неандертальце...

Вообще-то эта книга о Великанах. О тех, кто не выдержал глобального нашествия лилипутов на планету, ушёл в иное измерение.

...Зуб шёл своей, только ему ведомой тропой, время от времени оглядываясь на родное стойбище, где копошились возле пещер и шалашей проснувшиеся собратья. Они уже разводили костры, протяжно и доброжелательно перекликались, приветствуя и поздравляя друг друга с благополучно наступившим днём, с новым, опять засверкавшим над стойбищем солнцем.

Ни в коем случае нельзя было рассекретить тропу, а с ней и тайное логово, ямину-засаду, куда он за свою долгую тридцатилетнюю жизнь заманил уже не одного мамонта. Так устроена жизнь – утешал себя Зуб. Не он её устроил. Зуб принимал жизнь такой, какова есть, и старался не задумываться, не казнить гибелью мамонтов.

Они, мохнатые и великие, ни в чём не виноватые перед Зубом, погибали, но дарили жизнь ему, его племени, любимой жене Пикальке, нарожавшей Зубу трёх мальчиков, а на четвёртой – целой тройне девочек – истекшей кровью...

Зуб тогда бился головой о скалы, весь искровянится, искалечил надбровные дуги, истёр о камень и сплющил уши так, что они с тех пор словно прилипли к вискам и потеряли растительность.

Но не погиб. Что-то держало его на этой угрюмой, беспощадной, и всё же прекрасной молодой земле. Всего-то около трёхсот тысяч солнц, как уверяли старцы и звездочёты, прожило его племя на этой земле. Разве это срок?

Но горе есть горе, и оно не знает срока. После смерти жены он не хотел больше жить, и в горе своём осознать не мог поначалу – что, что его здесь удержало?

Потом опомнился – дети. Конечно, сородичи не бросили бы их в беде. В племени Зуба жили благородные, добрые люди, но сироты никогда бы не заняли в их жизни и судьбе достойного места. Мальчиков скорее всего не посвятили бы в охотники, и они вынуждены были всю жизнь занимать вторые, если не третьи роли – сторожей, разделочников, костровых.

И уж, конечно, своей собственной пещеры им бы не досталось. Во всяком случае, на привычной, родной, исконной территории родного стойбища у Красного скального плато. Там, где вечерами, на закате, в ясные дни заходящее солнце показывало причудливые световые картины для всего племени. Вот уже это было зрелище из зрелищ!..

Великолепную пещеру Зуба заняли бы другие, кормильцы его детей. Так было заведено по старинному обычаю племени, и он уже ничего не мог изменить. Судьба девочек вообще представлялась туманной. Роль третьих или четвёртых жён Родона начальника была бы не самой для них плохой. А скорее всего, судьба общей прислуги племени ожидала бы их, оставшихся сиротами без могучего Зуба...

Практически все эпосы мира, так или иначе – о великанах и лилипутах. Задолго до Свифта. Помню, в юности поразил эпизод из кавказского эпоса «Нарты». Нарты были вели-

канами – благородными, трудолюбивыми, бескорыстными. Немногочисленными, в отличие от обычных людей, которые плодились, как мурашки, по всей земле.

И однажды, в поисках новых земель, добрались эти «мурашки» до обиталища Нартов. Раскинули шатры, шалаши, стали строиться, жечь костры, разводить скот, торговать – не обращая ни малейшего внимания на Великанов-Нартов, истинных хозяев этих благословенных мест.

Людишечки-мурашечки уже успели понять, что Великаны не способны на агрессию, низость, и потому совершенно их не опасались. Только упорно, метр за метром «наезжали» на уголья Нартов. И тогда Великаны, которые могли раздавить всю эту мелкую хищь одною пятой, собрались и решили:

«Пришёл маленький человек, надо уходить...»

И, сказав эти великие слова, ушли. Сначала в снежные горы, а потом – в иное измерение.

Дико, но я это вижу, вижу!..

Но ведь и они, Великаны, видят нас, знают о нас всё и, кажется мне, незримо помогают нам. А вовсе не враждуют, не борются с маленькими...

Чем это доказать? А ничем. Верю, и всё.

*«...прочтёшь порой: «**Вся жизнь – в борьбе**».*

Становится не по себе.

Язвят все розы... жгут уста...

Какие грустные места!»

А ещё точнее, книга о странных людях.

А ещё-ещё точнее – о **сторонних**.

Не путать с *посторонними*...

3. Гля

С посторонними просьба не путать, граждане. Граждане, послушайте внимательно. Может быть, услышите что говорю? Говорю почти ниоткуда...

Неандерталец – Мужик. Мужик с большой буквы. А кроманьонец, это тот самый, кого подразумевает неудовлетворённая женщина, с тоской вспоминая о Настоящем, о Сильном: «Мужиков не осталось... измельчал мужик...»

...и при чём тут олигархи? Человечество проворовалось! Кроманьонцы, мля... Одно слово – кроманьонцы...

Сколько раз, сидя где-нибудь в кафешке-пивнушке, в компании серьёзных честных мужиков, клеймящих наперебой воров при власти, растащивших страну, вдруг ловил себя на подозрении: а вдруг они не воров клеймят, а завидуют тем, кто оказался на жирном месте?

Я начинал вслушиваться не в смысл слов, а в их тональность, и почти каждый раз обнаруживал – а, пожалуй что, догадка не зряшная. Завидуют. Интонацию не обманешь.

...да и то ведь сказать, двурукому-двуногому, хапающему существу никак, вы ходит, нельзя не позавидовать тем, кто оказался у кормушки. Ну, никак! Сами руки так устроены – пальцы на себя тянут, а не от себя. Сжимаются в горсть, в кулак. Вот кабы наоборот, кабы так вывернуты были руки, что: «Возьми!.. Возьми...» кричали, а не «Дай, дай!»...

Но тогда и человечество было бы иным, не таким, как теперь. А мы уже так привыкли друг ко дружке, к слабостям своим, к мерзостям своим... да и вообще, – жалко человечешку...

После Коперника человек растерял величие. Кто он отныне? Тля во вселенной.

А вот когда солнце вращается вокруг земли, когда земля плоская и стоит на трёх слонах, а те на гигантской черепахе, когда самая большая планета – Луна, и она послушно вращается только вокруг Земли, а на земле стоит Человек, тогда он – велик. Тогда он пуп земли, царь мира. Вот тогда можно вершить великие дела. И ведь – вершили!

*«...будто это простое полено,
Из которого выдрали нерв,
Деревянные стены вселенной
Изнутри точит вдумчивый червь,
Под беспечною кроною лета
Он глюкозною грёзой поэта
Наливается, тих и багров,
И громадными гроздьями света
Осыпается осень миров...»*

Сторонние люди – нынешние великаны. Они не такие, как все, они – мощные неандертальцы (несмотря на невзрачную видимость) в хилой среде кроманьонцев. Вот их-то ищут, о них пою. Они не такие...

Те куски, что вошли в эту книгу – о Рабочем, о Васе-Чечене, о великих Аксакалах, подбрасывающих кости над арыком, увитом травой, о Великом Чудике-Идиоте, Певчем Гаде, и о многих других, с которыми ещё встретимся – вот они-то и есть *сторонние* люди.

Они – Дети! И это главное.

Как нож сквозь масло, проходят они сквозь гибнущую цивилизацию кроманьонцев. И – не унывают, не унывают, не унывают никогда!..

А все последние столетия русская (светская) поэзия, по форме своей и по приёмам, так или иначе зависящим от формы, была европейской. Бессмысленно отрицать хотя бы потому, что начиналась силлаботоническая наша поэзия с переводов европейской классики, «Телемахиды», Горация, других образцов европейской поэзии. И уже только много позже смогла пробиться к самой себе (*почти* к себе), к вершинам, донныне сверкающим в хрестоматиях.

Но ведь и у Баркова (кстати, переводчика Горация, а не только автора похабных виршей, многие из которых ему попросту приписаны, как большинство рубаев Хайяму), и у Пушкина взгляд был ориентирован сперва на Европу, а уж потом на Россию, на её истоки.

Молодой Пушкин вышел из Парни, из его «Войны богов», насквозь пропитанной светским, «европейски утончённым» развратом, чем и объясняется фривольность ранних сочинений. Собственно русский Пушкин начинается с отеческих преданий, с «Руслана и Людмилы», с великого вступления к поэме: «У Лукоморья дуб зелёный...»

...ближе к полдню **Зуб** подошёл к Реке, сверкнувшей на солнце весёлыми искрами. **Всё. Туда, за Реку, нельзя. За Рекой – Другие. С Другими был давний, никогда не нарушавшийся договор – они сами по себе, мы сами по себе. И это длилось с незапамятных времён. Нельзя, и всё. И вам хорошо, и нам. Так рассудили когда-то сами Великаны – передавали из поколения в поколение старики.**

Великаны обитали за ближним хребтом, но навещать к ним, даже за простым советом без чрезвычайной надобности не полагалось. Да и сами, без помощи Великанов, управлялись неплохо. До поры до времени...

Зуб наклонился к прозрачной Реке и зачерпнул – пригоршню за пригоршней – вкусную ледяную воду. Напился вдоволь, медленно встал с коленей и распрямился во весь рост. Томила полдневная жара. **Зуб** скинул меховое оплечье, снова зачерпнул воды и стал протирать мокрыми холодными ладонями запотевшие плечи, спину, шею.

Силы и бодрость возвращались. На всякий случай Зуб оглядел местность, тропу к водою, недалеко от которой скрывалась под ветвями и травой его западня, не прячется ли кто в кустах. **Никого, кажется, не было. Река спокойно текла и ясно переливалась под солнцем...**

И вдруг, неподалёку от берега, в воде плеснула большая, белая рыба! Зуб внимательно всмотрелся в прозрачные прибрежные воды, и тут...

И тут он увидел её...

Поэзия... что это такое, кто такая? Вопросы. Особенно остры о русской. Несмотря на гениальные взлёты, она во многом так и осталась европейской – по форме в первую очередь. Ну, разве можно русские былины – с их протягновенным ритмом, с их долгим дыханием, объёмлющим всю долготу русских немеряных пространств – сравнить со светской поэзией? Пол-страницы занимает один только проход по борозде Сеятеля, зачерпывание из лукошка пригоршни зерна и разброс её в правую сторону. Ещё пол-страницы – по левую. Вот это Ритм! А исторические, народные песни, колыбельные, сказки, пословицы, поговорки, загадки?..

По форме светская поэзия была и осталась европейской. Это в первую очередь.

А во вторую – по содержанию.

Да, осталась европейской, и не столько по сути (глубоко русской в великих образцах), сколько по тому содержанию, что неизбежно несло в себе следы «орфического» соблазна, основанного на грехе, на любовании грехом, на сладострастии.

Предшествовавшие силлаботонической поэзии два века (16-й, 17-й) были тоже не русскими в нашей *светской* поэзии. Подчёркиваю, – народная поэзия, в отличие от светской, всегда была исконно русской. Как по форме, так и по сути. Но она была устной, и шла она, параллельно письменной, – вдоль...

*«...ни моды, ни мёда, ни блуда, ни яда,
Ни сада... какая ты, к ляду, наяда?..»*

4. Таянье тайны

Ни блуда, ни яда не выщедить из силлабического, слогового русского стиха.

Но зато уж из послереформенного, силлаботонического – сколько угодно.
Даже более чем.

Раскололась русская светская поэзия на два материка – до реформы, и – после реформы. Настоящими реформаторами нужно признать всё же не Третьяковского с Ломоносовым, они лишь первопроходцы, честь и хвала, а в первую очередь – Баркова, а вслед за ним Пушкина, т.е. главных создателей более свободного, современного языка в русской поэзии.

Только после них так отчётливо стала ясна эта «реформа», которая, по глубинной сути, ни хрена не стоила. Подлинно свободный русский стих остался и остаётся там – в былинах, сказах, народных песнях.

...да ведь и весь русский мир чуть ли не изначально был расколот на два лагеря. На Чёрную и Белую кость. Эту бытийную трагедию ещё только предстоит осознать, добравшись сперва до Русского Раскола, а потом и до дружинно-княжеского культа...

Но пока – о последствиях поэтических.

В 16—17 веках царствовала в России польско-латинская силлабика, очень неудобная для русского языка, словно телега на квадратных колёсах...

Но вот что удивительно – этот слоговой, а не тонический стих практически исключал соблазн сладострастия. Самые крупные поэты той поры Симеон Полоцкий, Карион Истомина, Сильвестр Медведев писали назидания и поучения юношеству о почитании старших, особенно родителей, правила поведения в церкви, в быту – и ничего более. Не знаю, как тогда воспринимались эти вирши, сегодня их мало кто способен прочесть без зевоты. Одно несомненное достоинство у тех виршей было – полная свобода от греха, соблазна сладострастия, приплывшего к нам с «раскрепощением» современного силлаботонического стиха, основы которого принято вести от Пушкина. Вообще-то, повторим сказанное, надо бы вести его от Баркова, настоящего учителя А.С.Пушкина. У Баркова он воспринял главное – современный русский, раскрепощённый, «пушкинский» язык... но не в этом суть.

Суть в том, что магический кристалл, о котором писал Пушкин, оказывается вовсе не статичным, но – подвижным. И при небольшом даже повороте его во времени некоторые грани и стороны этого кристалла уходят в тень, а из тени выступают иные, дотоле не очень-то видимые...

...большая белая рыба медленно приподнялась над водой, зафыркала, завывала всем телом, стравивая воду, и медленно вышла на берег. Зуб едва не свалился на землю.

В глазах у него потемнело. Потряс головой, взгляд слегка прояснился...

Рыба оказалась молодой, совсем незнакомой женщиной, не похожей ни на кого из тех, кого он встречал прежде.

Зуб очень любил свою покойную жену Пикальку, не мог забыть ни её, ни первые юношеские их встречи. Никто из девушек племени так и не смог завоевать его сердца. А хотели многие! Зуб был завидной добычей. Ещё бы! Широкие плечи, котлом выпирающая грудь, крепкие руки, короткие, но очень мускулистые ноги, выдающиеся скулы и мощные челюсти. Почти двухметровый, он казался великаном среди низкорослых соплеменников, и у него была лучшая после Родоначальника пещера. Но Пикалька, любимая Пикалька...

Он постоянно вспоминал её и грустил, всегда грустил, вспоминая. Вот и теперь, глядя из-за ветвей на диво дивное, явившееся из воды, невольно сравнивал с родной

Пикалкой. Жена его, хотя и была самой маленькой среди девушек племени, казалась теперь Зубу очень крупной женщиной. Да и выглядела совсем иначе.

У Пикалки была смуглая кожа, широкие бёдра, плотные мускулистые ляжки, и груди совсем не так вызывающе торчали, как у этой белокожей незнакомки. У этой они прямо торпорщились алыми сосками, задранными чуть ли не в самые небеса. У Пикалки груди, даже в ранней молодости, ещё до родов, свисали нежными полными мешочками до самого пупка. И это очень нравилось Зубу.

Это говорило о здоровье будущей матери. Зато когда уж наливались молоком, становились прямо-таки необъятными. Такими грудями можно было выкормить не двух и не трёх детишек, а, пожалуй что, пятерых. И правда, излишек молока Пикалка сдаивала в большую каменную чашу и относила в закут молоденьким козлятам. А потом, смеясь, говорила Зубу, что у неё не трое сыночков, а ещё добрая половина закута...

Зуб неотрывно глядел на незнакомку и никак не мог понять кто она, откуда явилась сюда, на чужую территорию, как одолела большую небезопасную реку?.. Осторожными манёврами охотника, неслышным и незамеченным он перебрался на другую сторону речной отмели, где незнакомка-рыба-девушка отжимала свои льняные волосы.

Крупные капли стекали с длинных прядей по её белому телу, повторяя все диковинные, дотоле невиданные Зубом изгибы. Капли медленно проползали меж высоко, даже нагло, казалось Зубу, вздёрнутых, необычно белых грудей, зависали на бёдрах, на ржаном, нежно искурчавленном лобке. А одна капелька, вспыхнувшая под солнцем, повисла на левом соске, и при полуобороте незнакомки в теньевую сторону, вдруг отчётливо озарилась багряным светом.

Зуб молча ахнул и прошептал про себя: «Капелька...»

...наряду с ошеломительным расширением информационных полей, с внедрением интернета как бы сама собою стала раскадровываться панорама столетий русской литературы, поэзии. И вот, предстала вдруг она, словно поднятая, взвешенная на ладони и сильно уменьшившаяся прелестная игрушечка.

Отчётливо зримая. *Очевидная.*

Гораздо явственнее, нежели прежде, проступили сквозь столетия «изящной литературы» подлинные, корневые истоки великой русской Поэзии. Осозналось, наконец, что светская поэзия со всеми её гениальными взлётами, лишь верхушка айсберга, сверкающая её вершина.

Стоит только вновь, через столетия, проникнуть незамутнённым взглядом в истоки русского поэтического мира, чтобы увидеть там, в чистых истоках не европейские и не азиатские формы, а именно что – русские. Во всей их уникальности.

Но вот беда, после двух веков безусловно гениальной светской поэзии (исключение, пожалуй, лишь самородок Кольцов, словно бы из глубин народных возникший) современному читателю кажется, что иного и быть-то не могло, иное просто невообразимо. Ещё бы, такие имена! Пушкин, Лермонтов, Тютчев...

Имена мощные, что говорить.

Но исподволь сложилось ощущение, что современному читателю нужна уже не столько **русская**, сколько *изящная* поэзия. А вот отсюда совсем недалеко до пресловутых: «ищущая словесность» и «сделайте нам красиво». То есть – гладенько...

Лишь в 20 веке, после Революции, потрясшей все «европейские» основы и уклады, самым гениальным поэтам удалось заглянуть через те сверкающие (и – ослепляющие) вершины, приникнуть к истокам, и от них уже вести свою поэтическую, духовную летопись русского мира.

Это удалось Велимиру Хлебникову, Ксении Некрасовой, Андрею Платонову (он поэт, каждой строчкой поэт!).

...нет, всё-таки придётся употребить похабное слово. **«Бренд»**. Не хочется, но придётся. И где? В разговоре о России. Ну, нету *русского бренду* у русской поэзии в мире! Нету. И весь сказ.

Можно не продолжать, ситуация ясна и печальна. Но вот, именно во преодоление печали придётся развернуться.

У русской великой прозы бренд есть. Она более русская, чем поэзия. Романы Толстого, Достоевского, странные, никем не понятые пьесы Чехова – это уже давно и прочно мировой бренд.

А вот ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Тютчева, ни остальных наших – самых гениальных! – поэтов на западе не знают. И знать не хотят. А зачем? Наши поэтические классики открывали для России Европу, а Европе зачем себя снова открывать, да ещё через сомнительные переводы? Европе нужна *корневая суть России*. А строчить столбиками они и сами умеют. Приличия ради хвалят наших классиков, но не ценят. Во всяком случае так, как мы ценим Гомера и Данте, как их фольклор и мифы – от древнегреческих до скандинавских... – нет, не ценят.

А вот что оценили бы, так это воистину русское. Если раскрутить и с толком подать. Как русский балет, к примеру. Но для раскрутки и подачи русской поэзии одного подвижника, даже такого мощного как Дягилев, мало. Здесь должна быть государева воля. А главное – государственная, толково продуманная, поступательная, долговременная программа, а не компания к дате.

Что, собственно нужно? Да не так уж и много. Собрать для начала с десятков хороших актёров, по-настоящему, задушевно умеющих петь народные песни, несколько талантливых поэтов, глубоко знающих и любящих *русскую поэзию*, несколько очень толковых учёных-фольклористов.

И всё, пожалуй, для начала команда готова. При условии, разумеется, что средства (да совсем невеликие, в сравнении с величием задачи!) выделены.

Итак, начинаем. Мы поднимаем первый из главных наших кладов – былины. И северного, и киевского цикла, и все другие циклы. Отдельно поднимаем пласт сказок. Сказительниц ещё можно найти. Не без труда, но можно.

Отдельно – пословицы, поговорки, байки, былички, загадки. Отдельно – исторические и лирические народные песни, колыбельные.

То есть, поднимаем единственно способное создать настоящий **русский бренд** в области поэзии для «цивилизованного» мира. И только это воистину интересно на Западе и Востоке – *корневая Русь*. Им интересно знать не только про опошленную «загадочную русскую душу», но главное – откуда мы взялись, такие великие и ужасные, и пошли быть? Светская поэзия этого не дала и не даст.

Весь мир интересуют не наши споры западников и славянофилов, и даже не татарщина наша, а то, что скрывается подальше, в дотатарской Руси. Там, где формировалась национальная одежда, орнамент, обычаи и манеры, характер. Великая Традиция. То есть, их интересует (и тут не откажешь в естественности интереса) – НАШЕ.

Наше Осевое Время.

Я одно время работал монтировщиком сцены в казахстанской филармонии, много мотался с гастролями по стране, и первое время меня поражал отбор музколлективов для поездок за рубеж. Отбирали, как правило, не прекрасный симфонический оркестр, не виртуозный ансамбль классического танца, не хоровую капеллу, а примитивный – на первый взгляд – ансамбль национальных инструментов, в основном домбристов.

Поначалу я грешил на восточную кумовщину. Но однажды администратор случайно обронил на пол лист заказов, торопясь по делам. Я поднял его, прочёл и, наконец, кое-что понял....

Иностранцы – сплошь европейцы – просто умоляли прислать им этот корявенький (на мой наивный взгляд) ансамбль народных инструментов!.. Им на фиг не нужен был заштатный симфонический оркестр, пусть даже очень хороший. Своих, экстракласса, полно. Им коллектива с национальным духом, с самой сутью, с нутром *ихним* хотелось. И они его требовали. И получали. Заключали контракты...

Поньше считаю, что великая композиция Курмангазы «Сары-Арка», грянувшая на сорока домбрах под сопровождение тимпанов – огромных восточных барабанов, поставленных на медные львиные лапы – покруче знаменитого «Болеро» Равеля.

А чем довольствуются иностранцы сейчас из всего «национального нашего»? Ансамблем «Берёзка», народными хорами? И на том спасибо, конечно. Но представим себе последовательно разработанную программу исполнения былин. Без цветного антуража и стилизованной музыки. Просто распевное, внятное, мощное чтение.

И не один раз, и не в одном зале. – По всей стране! Причём начинать не с великих «тяжёлых» былин про Святогора, Микулу Селяниновича, Илью Муромца, а с «малых», более поздних и близких к нам. Например «Добрыня и Маринка», «Дунай и Настасья-королевична», «Васька-пьяница и Кудреванко-царь», «Агафонушка», «Старина о льдине и бое женщин».

То-то люди нарадуются! И насмеются, и напечалуются. Не читают ведь, не знают каким богатством обладают. Говнецом пробавляются.

А сколько красоты, забытой мощи языка, какие нравы откроются!

Ну, да что уверять, лучше вот, хоть отрывочек для начала.

Про то, как Змей, полюбовник Маринкин, с Добрыней пробует сладить после его «визита» к Маринке, соблазнявшей и Добрыню между прочим:

*«...а и сам тут Змей почал бранити его,
Больно пеняти:
«Не хочу я звати Добрынею,
Не хочу величати Никитичем,
Называю те детиною деревенициною,
Деревенициною и засельциною;
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,
Проломил ты оконницу стекольчатую,
Расшиб зеркало стекольчатое?»
Ему тут-тко, Добрыне, за беду стало,
И за великую досаду показалося;
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хочешь ли, тебе, Змея, изрублю я
В мелкие части пирожные,
Разбросаю далече по чистом полю?»*

*А и тут Змей Горыныч, хвост поджав,
Да и вон побежал...»*

Представляю, что будет с залом твориться, если хотя бы эту одну, не самую великую былинку вдохновенно, со всей силою, вложенной в неё, прочтут! А там и до самых главных былин да сказаний дело дойдёт. Важно начать. А там и скоморохи-песельники, и настоящие гусяры объявятся. И сказочники. И вопленицы. Одни загадки народные чего стоят! – Кладезь метафор...

Время не повернёшь вспять, но явить великое прошлое возможно. Захотеть бы, проявить волю. Глядишь, не одни только древнеегипетские и древнекитайские «Книги мёртвых» изучать станут, к своим, живым истокам обернутся. А там такое разглядят!..

И не грех повторить опыт «Русских сезонов» Дягилева – по всему миру. Тут уже размах иной, конечно, тут и музыкантам, и художникам должно поработать с любовью, на совесть.

Так, только так создаётся национальный бренд. Не люблю слово, но для продвижения за рубеж нашего, воистину нашего – годится.

А там, глядишь, и хорошие переводчики объявятся, и философы иностранные «загадочную русскую душу» совсем иначе, чем ныне, толковать станут. И перестанут удивляться, наконец, почему это такой «корявый» народ сумел освоить самые тяжёлые земли, да ещё и воздвигнуть на ней Империю. Знанием одной светской поэзии этого не осознать.

А вот если снова ощутим вкус к настоящему русскому, особенно к языку русскому, глядишь, и на великого Хлебникова начнём иначе смотреть, и читать его взахлёб, и понимать его сверхзадачу...

С Хлебникова много не взять иностранцам. Подавать «великое наше» стоит издавека, с былин. Недавно заметил, кстати, – рядом с любимым томиком русских былин ни одна светская поэтическая книга у меня на столике «не улёживается». Ну не в лад, не в ряд! Единственный, кто «улёживается» – Хлебников. Мистика? Не знаю. Есть над чем помараковать...

А вообще, лишь одна, пожалуй, поэтическая книга 19 века, которую можно «раскрутить» наряду с европейскими брендами, это «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова. Вещь равновеликая «Фаусту» Гёте. Только там мировые проблемы решаются в кабинете, в немецкой лаборатории. Решаются высокоумным учёным, а здесь – «во чистом поле» простыми русскими мужиками. И что интересно, ни «Фауст», как художественное произведение не доведён до ясной сути, «до ума» – не доведён чисто по-немецки (уж больно заумна вторая часть), ни шедевр Некрасова не доведён – уже чисто по-русски. По нехватке ли времени жизни, по физическому ли нездоровью поэта? Не доведены оба эти шедевры до совершенства, до всей полноты цветения. Но обе вещи всё-таки состоялись. И состоялись крупно. Читай-перечитайвай...

Уже потом, много позже Зуб осознал, что слово «Капелька» вовсе не было случайным. Девушка сама была вся словно капелька – узкие плечи нежно переходили в ещё более узкую, стройную спинку, которая совсем уж невероятно сужалась в поясе. А потом этот пояс плавно переходил в довольно-таки широкие, даже тяжёловатые для лёгкой фигуры бёдра.

А ещё она была странно, как-то непривычно, пугающе длиннонога в сравнении с коротконогими, сутуловатыми, ширококостными женщинами их поселянок. Она была словно волна, тонко изгибающаяся у берегового наката... да, да, – Зуб не врал себе – она была волнующа и волниста — часть волны, её капелька. Дивная, чистая, тонко струящаяся Капелька.

...а не потому ли язык Хлебникова, непривычно *русский* язык, так трудно воспринимается, что – слишком русский по сравнению с «устоявшейся», отглаженной европейским ладом лексикой?... да и формой... да и содержанием...

Пожалуй, ныне ещё одни только дети (нынешние великаны, «неандертальцы») легко и радостно пользуются его языком. Пока они ещё всего лишь наиболее активные и многочисленные компьютерные пользователи. Но время-то идёт... а там и обиходное его использование не за горами...

Стоит заглянуть в академические примечания, чтобы осознать – Хлебников не только древнерусский (Русский, истинно русский!) язык воссоздавал, но и персидский, и другие тюркские и европейские языки сливал в могучем Имперском языке. Да, так! А иначе и сама Империя не возникла бы. Он в одном слове сливал русские корни, немецкие суффиксы, тюркские приставки. Он хотел почти невозможного, единственно великого. Недаром называл себя «Будетлянин», «Председатель земного шара». Имел право...

Крылатый русский гигант, не замеченный лилипутами, летел от самых истоков сквозь всю русскую историю, прямо к 20 веку, к первой Мировой, Гражданской войне, и язык его, как сама Россия, менялся на каждом историческом изломе.

Вот он летит от истоков... и слова его чуть ли не заумь: «*Жила-была барыня... не то чтобы важная барыня, а, так сказать, лягушечка...*».

Дальше – иные века, иной язык. Там уже Стенька с его ватагой и тайным языком вольницы, наоборотным языком: «*Кони. Топот. Инок...*» – Как хочешь, так и читай, с любой стороны.

Но не игрушки здесь главное, не перевёртыши-палиндромы, не тарабарщина вояк-заговорщиков, а стихия зреющего Переворота, где Чёрная и Белая кость – главный русский разлом – могут сказаться бредом какой-то безумной (якобы безумной) старушки, шепчущей своей хозяйке накануне Переворота страшное: «*Слухай, барыня, слухай...*»

Казнят на днях барыню... а за что? Может быть, и за то, что «баре и барыни» не только пороли веками на конюшнях мужиков, баб, детишек за малейшую провинность, но и за то, что эта бабушка, доброй барыне шептавшая «слухай, барыня, слухай!..» хорошо помнила по рассказам матери, как сатрап-крепостник заставил когда-то её собственную бабушку, красавицу, молодую рожаницу выкармливать грудью борзых щенков, у которых при родах померла мамаша-сучка. Щенки искушали в кровь нежные соски юной рожаницы, она плакала, вся изрыдалась, умоляя избавить её от этого «кормления»... да куда там! Борзые дороже. А что? Ничего особенного, по барским понятиям...

5. Белая и Чёрная кость.

А что ещё, кроме времени, разлинованного учёными людьми – старательными школьниками с высунутыми от усердия языками, в косых тетрадках разбивающими целое на годы, месяцы, дни – что ещё способно разверстать в мельчайших подробностях тектонические подвижки Истории?

Однажды французы спросили Дэн Сяопина, как он оценивает итоги их революции. Мудрый китаец посмеялся (без малейшей улыбки): «Великая Французская Революция слишком значимое явление в Истории, чтобы давать оценку по истечении всего лишь двухсот лет...»

Когда слышу (в последнее время всё чаще слышу) завывания историков, а вслед за ними простых обывателей, пущенных в эфир, о том, что революция это нечто противоположное, что единственно естественна эволюция, то есть, поступательный и безбурный ход развития, я представляю себе... Дерево. Осеннее голое дерево.

Я всматриваюсь в это дерево, в каждую веточку его, и вижу – насколько же она некрасива, корява!..

Вот она вся ещё ровненькая, гладенькая... и вдруг – взрыв. Корявое сочленение, уродливый нарост, сустав... а чуть подале – опять ровная, гладкая веточка.

До очередного «взрыва».

И вся она такая, подобная сотням корявеньких же, некрасивых по отдельности веточек. Особенно осенью, когда всё обнажено...

Я представляю себе это дерево летом, покрытое густой листвой – какое же оно красивое, гармоничное, непредсказуемо ветвящееся и цветущее! А ведь в основе цветения всё же те корявые, некрасивые осенью веточки.

Так что же произошло? Неужели не было тех, уродующих веточку «взрывов»? Были. Они-то и образовали те самые «революции» в громадной жизни дерева, как и в маленькой жизни каждой отдельной веточки. А вот ровные и гладкие отрезки на веточке – это «эволюционные периоды». Они более долгие, протяжённые... но не до бесконечности же протяжённые! Наступает время, и – вот она, «точка бифуркации». То есть, революция...

Есть, видимо, насущная необходимость в этих мощных разрядах – молниеносных разрядах. Не они ли разгоняют застойную кровь, гонят по обновлённому руслу?

А вот представь себе дерево с абсолютно ровными веточками...

Представил? Ну и как, живое оно?

Да это же чудовищная конструкция, распустившая вокруг себя сотни «стальных», идеально ровных антенн... бр-р!

И вот, несмотря на все ужасы революций, видишь некий умонепостижимый замысел Целого в корявости отдельных сочленений. Дерево ветвится, цветёт и радуется взгляду. А радовал бы тот, «стальной», идеальный «кактус»?

Усомнюся, однако...

«...станет ладненько всё, что вспенено,

Есть на всё золотой ответ,

Хватит ладана да терпения

До Успения... или нет?

Или всё поверяется разумом,

Страстью, всосанной с молоком,

А терпенье кончается Разиным,

Компанеллой и Спартаком?

Ах ты, грусть моя невечерняя,

Навечерняя маята,

Торричелева в пыльном черепе,

В гулком черепе пустота...»

(Из тетрадей Великого. Но об этом чудесном персонаже – ниже, много ниже)

Русская Революция... ужасы Гражданской войны, осквернение алтарей, убийства священников, раскулачивание, расказачивание, раскрестьянивание... всё это болит в каждом русском сердце, в каждой душе болит.

...и видишь на фотоснимках, в документальной хронике этих шакалов в кожанках и будённовках, гадивших в алтарях, разорявших страну, и ненавидишь, и проклинаешь их. А поражаешься одному по сути: да как же горстка шакалов смогла победить громадную страну, допустить уничтожение Церкви, попрание святого?..

И задаёшься вопросом: да так ли уж свято было всё это, и сама Церковь в первую очередь? И не она ли первая предала старообрядцев, и подпала, почти добровольно, под пяту государеву? И не там ли, после Раскола, было легально допущено предательство самого святого – исповеди?

Священников просто обязывали доносить властям о тяжких преступлениях, в которых каялись прихожане. И Церковь пошла на **это**, не нашла в себе сил отказать государевой страшной воле...

А в итоге – доносы, битьё кнутами искренних покаянников, вырывание ноздрей, кандалы, каторга... и, что самое страшное – недоверие и ненависть к Церкви, к попам-подневольникам...

Триста лет после Раскола Церковь просто угасала. И топтали, и унижали её загулявшие в буче, возроптавшие люди... обычные люди. Гадили-то в алтарях не только комиссары, простые мужики гадили!..

Революция, пусть даже чудовищным образом, отделила Церковь от Государства. И остаётся надеяться...

Только вот путь не краток. Сто лет пытаемся встать, а всё только пытаемся...

Но ведь и аристократия доблестная столько ненависти к себе накопила за долгие века – умом не рассудить! Не рассудить мужика и барина...

А, собственно, почему он барин? Почему пашет землю один, а владеет и богатеет совсем другой? Этот (не единственный, но **главный**) вопрос пронизывает всю историю. Остальные сущая мелочь в сравнении.

Если «барин» хитрее, безбожнее, вероломнее своего простодушного соседа, искренне считавшего, что все люди братья во Христе и не должны обманывать, грабить друг друга, то этот «барин» в силу своего безбожия, значит, имеет право обирать, а потом и пороть своего соседа, и всё его потомство? Так, выходит?

...и долго, и жирно жрать за его счёт...

*«Кто ворует, не горюет,
Обирает да пирует,
А кто пашет, скот пасёт,
Крест несёт да хрен сосёт».*

...Зуб любовался бы ещё и ещё, но незнакомка, стряхнув речные капли со всего тела и отжав хорошенько льняные волосы, которые уже начинали распускаться по плечам до самого пояса и золотиться под солнцем, стала обматывать бёдра расписной диковинной тканью. Женщины из племени Зуба таких не носили, шкура мамонта или вепря была их вековой, добротной обмоткой.

Мало того, незнакомка зачем-то ещё обмотала груди той же расписной, с ромбовидным узором тканью, и скрылась в чаще. Зуб решил, что она ему не соперница, не станет высматривать тайную ловушку и посягать на добычу, а потому просто пошёл к своему логовищу. Солнце перевалило за полудень, а надо было ещё многое успеть.

Он разбросал лапник, прикрывавший яму-ловушку, ухватился за крепкие канаты, свитые из жирного, хорошо размоченного, а после просушенного хвоща, и спустился вниз. Базальтовым острым ножом умело снял шкуру с мамонта, отделил громадные, ценнейшие бивни от головы, и топором стал разделять тушу. Потом уложил куски в плетёные корзины и начал по одной поднимать верёвками наверх.

Большую часть освежёванного мамонта следовало, по древнему обычаю, отдать племени, а часть закоптить на костре, предварительно просолив мелко размолотым куском каменной соли. – Это для себя и детей, запасы в свою пещеру. Третью, меньшую часть, также для семейного пропитания, следовало просто просолить и провялить. Ходок туда и обратно, следовательно, до заката оставалось не менее пяти. Значит, пора подкрепиться.

Зуб разжёл костёр, нанизал на крепкую палку кусок свежего подсоленного мяса и принялся жарить. Капли сала, стекая в костёр, сочно шипели...

Зуб не сразу почувствовал шорох в кустах поблизости. Вначале даже не сам шорох, но какое-то невидимое алмазное копьё, тонко и резко пронзившее его.

Внезапно оглянулся, и среди ветвей вправду увидел копьё – голодные глаза незнакомки, которая даже не очень старалась прятаться, просто сверлила ими Зуба. И самого Зуба, и его добычу.

Своя, своя!.. Художница по сути, странное существо, она даже и среди Других была чужая. Во всяком случае, не вполне своя... почему-то Зуб это просто, непонятно почему, почувствовал...

Мироед поедает праведного... это – «Правда Истории»? Тогда с этой «правдой» следует кончать... пусть даже безобразно!.. Вот как в 17 году. И – покончили...

И покончили, и поверили шакалам, доверились обещаниям, что дадут исконному земледельцу его землю, которую он один любит и понимает как никто другой, дадут в полное и окончательное владение на всеобщее Благо. И воссияет, наконец, Правда Божья на несчастной грешной земле...

Пообещали. Дали. Отняли...

Винить простодушного человека за то, что поверил шакалам-безбожникам несправедливо. Но вот понять силу и механику, с помощью которой шакалы смогли выдавить почти всю аристократию с русской земли, это, пожалуй, возможно.

Тем более, что слишком много ненависти за долгие века скопилось у «низов» к «верхам» всех сословий...

Россия до Революции страна в основном крестьянская. А крестьянин, он кто? Он «христианин», то есть христианин. Крестьянин – это ребёнок, роющийся в полметре гумуса, даро-

ванного Богом, как дети роются в песке. Доверчивые дети, неандертальцы... Какой может быть спрос высокоумных, изошрённых в ловкачестве кроманьонцев с наивных неандертальцев? Крестьянин всей душой верит в справедливость и братство людей, особенно соплеменников... даже дворян.

А они его обманывают. Век за веком дурят. Да ещё похихикивают при этом. Прямо как в стихах Блока о наивных работягах и хитрецах,

«хозяев» в «*жолтых*» *окнах*:

*«...они войдут и разойдутся,
Навалят на спину кули,
И в жолтых окнах засмеются,
Что снова нищих провели»*

Сколько можно!?.

Грянула Революция безобразно. Это понятно и не обсуждается. Но вот если задуматься попросту: почему же орды неграмотных, необученных воинскому искусству людей сумели выгнать с родной земли кучу дивизий, почти сплошь офицерских, владеющих воинской тактикой и стратегией?

А потому!

Кучка революционеров, людей хищных и умных, предельно циничных, сумела воспользоваться вековой нелепицей – малая толика народа, вероломная и безбожная толика так называемых «аристократов», «хозяев» земли, которую даже не умеет обрабатывать, попросту достала народ. Так достала простодушных людей, считавших своей главной обязанностью перед Богом в труде искупить древний грех человека, что они готовы были пойти за кем угодно, лишь бы восстановить главное – Путь к Спасению...

Главный человек земли, Земледелец, попросту отвернулся от «аристократа», и тот проиграл всё, почти в одночасье. Что потом изумляло самые толковые русские мозги: Розанова, Бунина...

*«... – Арба арабу тяжела,
Как христианину крестьянство...»*

*– А это всё: разбой и пьянство,
И муки женицин, и тиранство
Рвачей, дорвавшихся дворянства,
И смерть зерна, и гнёт пространства —
За первородные дела?..*

– Мала цена за окаянство...

– Малым-мала?

– Малым-мала...»

А шакалы воспользовались ситуацией. Ну как, скажи, шакалу не попользоваться гнильцой? Иначе не шакал...

Но ведь не будь её, этой ситуации, они бы не смогли ни-че-го!..
«**Ситуация**» – подоснова успеха всякого шакаля.

Можно сказать, сама История (читай – *История Предательства*) вывела шакалов из убежищ, логовищ и подполий на широкую дорогу, где погуляли вволю!..

Шакалы потом казнили самых честных из «своих» – этого не отменить. Но сваливать их «успех» на какой-то всемирный заговор просто глупо. Никаким американским или немецким, японским или еврейским банкирам (которые были, были и помогали шакалам, факт известный) не свалить в одночасье великую страну, если бы Главный Человек Земли этого не захотел.

Главный человек, Земледелец, и его воля. Страстная любовь к Земле...

...Зуб, не оглядываясь, поманил рукой незнакомку и та, осторожно ступая голыми узенькими ступнями по колючкам палым иголкам, подошла к костру. Села на поваленный ствол ели, продолжая сверлить умоляющим взглядом Зуба и его добычу. Зуб ножом отрезал поджаренный, сочащийся кусок, молча протянул. Не издав на звука, незнакомка просто схватила, почти вырвала его и принялась хищно вгрызаться в кус. Отрывала маленькими белыми зубками, рвала мясо и, почти не разжёвывая, глотала.

Понятно, не ела давно. Но как давно? И откуда взялась на их берегу? Зуб ждал, пока насытится и сама всё объяснит. Куда там! Она и не думала останавливаться, рвала зубами мясо и глотала, запихивала в рот и тут же, давясь, чуть ли не урча, глотала, глотала...

«Вот ещё, не хватало – насторожился Зуб – обожрётся и помрёт тут же, у костра, а потом отвечай перед чужим племенем».

А это значило, во-первых, рассекретить свою яму-ловушку, но главное – проблемы с чужим племенем. С племенем Других был заключён на Совете во главе с Великанами стародавний мирный договор. И с тех пор он никогда не нарушался.

«Они – Другие, вы – совсем Другие – сказали Великаны. Вы намного старше. Они моложе, они появились не так давно. Чему можете, обучите их. У вас громадный в сравнении с ними опыт, полезные навыки. Старайтесь знать язык друг друга и уважать его. Но только живите порознь. Ни в коем случае не воюйте. Найдёте мертвого из Других – предайте земле. Всё» – Так сказали Великаны и ушли в свои горы. Великанов старались не тревожить по мелким бытовым делам. Но волю их, точнее, их Слово нарушить не смел никто.

...и как ни отвратительны шакалы, использовавшие народ с его вековыми чаяниями для своих целей, они по сути были ничуть не хуже аристократов-мироедов, веками пивших кровь «хрисьян». Только прежде верховодили в основном «свои», русские, а потом – всё чаще – инородцы, «чужие». И победили в очередной раз не по сословному или родовому принципу, а по степени безбожия.

Как поётся, «снова наша не взяла!..».

Но «шакалы», да и потомки их всё же дали людям кое-что из обещанного: бесплатное образование, медицину, символическую квартплату, стабильные цены.

Более того, оглядываясь назад и сравнивая прошлое с настоящим, можно бегло подытожить – период с 50-х по 90-ые годы 20 века был высшей во всей русской истории точкой социальной справедливости. Поколение, рождённое в 50-ые, это ощутило на себе.

Да, мы знали про ужасы Гражданской войны, лагеря, первые пятилетки, где люди насмерть надрывались, закладывая фундамент Победы, и не только, – всего нынешнего существования. Да, да! – На тех основах и держимся, ничего ведь существенного не создали после перестроечного бреда, Советы поносим... козлы!

Да прекрасно я помню, как мы, нормальные мальчишки, не любившие пионерских галстуков («ошейников») и выпрєнных комсомольских речей, как мы любили демонстрации и субботники! Это же были истинно всенародные празднєства – с музыкой, цветными шарами, выпивкой на морозце...

Помню ощущение – если не сходил на демонстрацию, то и праздник неполный. Кругом висели красные тряпки с уже анекдотическими призывами, по-прежнему рьяно партийные «глоты» призывали к чему-то смехотворному... мы просто не обращали на всё это никакого внимания.

«Больные люди» – посмеивались над партийными, комсомольскими вожаками, самозабвенно толкавшими многочасовые речёвки, полные вдохновенного, препустейшего пафоса. При этом не впадали мы ни в какое диссидентство, чаще просто не слыхивали о нём и не собирались с кем-то бороться, тем более со своей собственной страной. Мы были просто нормальные люди – мальчишки, девчонки, потом юноши, а потом... потом всё рухнуло.

Но мы не рушили страну. Прекрасно понимали – осязали всей кожей! – Страна пережила страшные годы, возродилась после войны, переболела... и вот, наконец, у людей, у народа в целом выработался иммунитет. К репрессиям, казням, корневым переделкам всего и вся.

Наконец-то можно спокойно оглядеться, одуматься и начинать жить по-человечески. Только не рушить, не крушить основы!..

Фигушки.

Шайка властных и окол властных негодяев, оборотней, колдунов сбросила личины, «перестроилась». Если б только сама! Так нет, всю страну распушили, перепаскудили...

А самый главный русский раскол – между Чёрной и Белой костью – так и остался непреодоленным. Одна только несчастная интеллигенция пытается ещё замазать его поверхностными «умственными» склейками...

Да и той достаётся за попытки. Причём, что совсем уж позорно, от самой же себя порой достаётся. Одна книга «Вехи» чего стоит!

...Зуб молча вырвал остатки мяса из тоненьких ручонок голодной Капельки, бросил их в зашипевший от жира огонь и коротко, непререкаемым тоном прикрикнул: «Всё. Хватит. Лопнешь». Она виновато, как нашкодившая девочка, глянула на Зуба и, проглотив последний кусок, смолкла. Зуб приказал: «Рассказывай. Всё. – Откуда? Зачем? Кто такая?..»

Капелька затараторила. Зуб знал, что они, эти Другие, очень болтливы, в отличие от людей его племени. Их даже называли, смеясь, трещётками. Но такого пылкого, сбивчивого, многословного рассказа Зуб не слышал никогда.

Из путаного повествования понял главное – она нарушила святое и была изгнана из племени. Святое, это большая Белая Скала. Считальная Скала. На ней

высекались числа добытых зверей, шкур, на ней отмечали имена должников – кто у кого занял провизию, орудия и до сих пор не отдал. Высекались имена героев и позорные имена. В общем, всё то, что в племени Зуба решалось устно, на соборе старейшин, у тех высекалось на Белой Считальной Скале.

Скала эта была отвесная и совершенно плоская, прямо как их Красная Скала. Только на своей Красной Скале соплеменники Зуба вечерами смотрели цветные картины в лучах всё темневшего и постоянно меняющегося солнечного света. Это было настоящее чудо! По преданию, самые первые художники племени ещё в незапамятную старину высекли на Скале сцены оленьего гона и другие охотничьи композиции, картины любимых племенных игрищ, которые днём были почти не видны, но зато когда начинало вечереть...

Вот уж тут было на что посмотреть! Все, кто был здоров и не очень занят неотложными делами, приходили сюда, на гладкую травяную полянку у подножия Красной Скалы, рассаживались поудобнее и ждали мгновенья, когда последние солнечные лучи скроются за Скалой, а их яркие отблески начнут своё ежевечернее – в ясные дни – колдовство.

И вот оно начиналось. Почти невидимые днём на Красной Скале охотники словно бы оживали и привставали с колен. В руках у них неизвестно как проступали и начинали сверкать копья, дротики, пики. И они – стая древних безвестных охотников – опять продолжали свой бессмертный Бег за оленьим стадом, тоже вдруг оживавшим в отблесках вечернего света...

А иногда оживали иные картины – юношеские игрища, ратоборства, также высеченные на Красной Скале неизвестными, но неизменно чтимыми художниками их древнего племени... – тут всё зависело от времени года, накала и наклона Солнца. А может быть, Солнце и было главным художником? Скорее всего...

Важно, что несколько прекрасных минут цветового колдовства вливали силы в души и тела соплеменников. И они очень дорожили этими неповторимыми минутами.

А вот в племени Капельки, на их Белой Скале велись в основном финансовые расчёты. Но их Белая Скала точно также защищала всё племя от пронзительных ветров, от непогоды. Именно под ней были прорыты рукотворные жилища-пещеры, где обитало то, почти незнакомое для Зуба и его сородичей племя...

...Хлебников – может быть, неосознанно, – один из первых обнаружил Разлом между Чёрной и Белой костью в русском народе. Разошлись две тектонические плиты под Русью и, почему-то, снова сошлись. Столкнулись намертво: Чёрная и Белая кость...

У грузин был обычай – ребёнка из княжеской семьи отдавали на воспитание в крестьянскую, а крестьянскую в княжескую. В итоге белая и чёрная кость у грузин не столь трагически, как в России, разнородны. Грузины народ небольшой, это понятно, там «верхи» легче поймут «низ». И наоборот.

В огромной же России до самой Революции вековечное чванство, отвращение бар к простонародью так и не было преодолено. Пресловутое «освобождение» Александра Второго только усугубило положение и приблизило к развязке. Некрасов тогда ещё, сразу после реформы, писал:

*«Распалась цепь великая,
Распалась и ударила...»*

*Одним концом по барину,
Другой по мужику...»*

В итоге – массовый люмпен-пролетариат, хлынувший из безземельных деревень в города, а как следствие – Великая Октябрьская Социалистическая Революция.

...но, не могути сойтись стык в стык, две гигантские тектонические плиты – Чёрная и Белая кость одного народа – долгие века уродовали, деформировали друг друга. И всё-таки, почему-то сошлись, столкнулись где-то в подпочвенных глубинах. И – выдавили – сами из себя выдавили **чёрную кровь камня**. Может быть, именно её теперь называют Мумиё?

«Мумиё» это, образно говоря, – русская Интеллигенция, смазка между белым и чёрным народом. Глупо её судить приземлённо, позиция её более страдательная – в самом уже изначальном предназначении понимать всех, стараться примирить всё и вся, а значит принимать на себя все удары, побои, насмешки...

Даже высоколобая книга «Вехи» кажется ныне глупостью. Интеллигенция в ней предстаёт унтер-офицерской вдовой из гоголевского «Ревизора», той самой, которая сама себя высекла. Россия вообще опасная страна, бояться её... не зря бояться! Хотя и нет интриги при выборах, кто наследный принц или правопреемник – всегда известно, какая уж тут интрига? Скукота до зевоты. Тут пострашнее дела творятся: то грозит всему миру Твердыня, а то выпорот себя публично – миру же на посмешище. Вот как при распаде своём, ни с того, ни с сего, в Беловежье... а потом в дрожащем ГКЧП.

И оплачешься, и обхохочешься. Вот те и все вехи... печальные, смешные, никем не понятые по сути вехи. Где высота? Где глубина?

А вот Хлебников – это и глубина, и высота!

...да вот он уже, Переворот 17 года...

Но Хлебников, этот Крылатый Гигант, летит и летит над Россией, ему надо успеть пролететь её в самом огне, успеть сказать главное!..

А он опять, кажется, бредит: *«Падают Брянские, растут у Манташева...»*. О чём это, зачем это – в самом огне народоубийства? Что такое «Брянские»? Кто такой Манташев? Неужто поэт и впрямь с ума сошёл, как твердят некоторые?..

Заглянешь в словари, в справочники того времени, и ахнешь – идёт первая Мировая Война, нужна прежде всего нефть, а что такое брянские, в основном лесные акции? Да никому они не нужны сейчас! А вот нефтяной магнат Манташев явно в фаворе, и акции у него растут. Нет, не сошёл с ума...

Только вот Хлебникову некогда разжёвывать, он верит в нас, его соплеменников – разберутся! А только начни разбираться, тут-то и понимаешь: это высший поэт России.

...нет, совсем недаром заслуженный учитель литературы рыдал в телевизор: «Беда! Дети перестают воспринимать язык Пушкина, им Хлебникова, видите ли, подавай!..».

А тот факт, что дети уже практически разговаривают в интернете языком Хлебникова и его «побочных детей» обериутов – куда денешь?

*«Судну вава, море бяка,
Море сделало бо-бо...»*

Это же язык детей, самый безгрешный язык, который только-только вырабатывается в русском, да и во всемирном пространстве. Может быть, самый честный язык. А детям – и Царствие Небесное.

*«...Некто
Некогда
Кое-никак,
То есть, кое-нигде
Понял, что это
И то, и так,
Так как всегда —
Везде...»*

...иногда кажется – современных детей вообще учить не надо. Зачем их учить, и чему их сегодня учить? Нынешним детям, матерящимся, пьющим и курящим нужно всего три класса. Читать, писать, считать – и всё. Компьютер освоят проще простого.

Остальному – всей дряни мира – обучатся сами, без школы. Зачем обществу тратить деньги впустую? Кому суждено учиться, просиживать в библиотеках, свершать великие открытия, найдутся, найдут себя и без высшей (обязательной, то есть) школы.

В детях важно другое – их детство...

Хлебников совершил неоценённый и – неоценимый! – Подвиг: через ослепительные вершины русской поэзии перемахнул и прикинул к самим изначалиям, к мощным ключам. К тому, что и является – доньне! – всей нашей подосновой, что незримо и непрестанно действует в осознании самих себя, как народа, несмотря на стремительно меняющуюся действительность.

Эта подоснова – народное творчество. Былины и сказки, лирические, исторические песни, колыбельные, загадки, пословицы, поговорки.

Вся письменная литература стоит на этой основе, как блистательные вершины айсберга на подводной, громадной его части, скрытой от поверхностного взгляда.

Дыхание и размах былинной, качающейся, как всадник в седле ритмики куда вернее соответствовали русским пространствам, нежели измеренный стопами светский письменный стих.

Чайковский признался однажды, что никто ничего сам по себе сочинить не может, всё уже сочинено и звучит в народе. Только народ не вполне осознаёт, что это именно его безымянная музыка звучит в операх и балетах знаменитых композиторов, которые «грамотно» оформили, варьировали и усложнили великие народные мелодии, вправили их в «свои» сочинения...

Да ведь то же мог бы сказать и любой честный писатель, самый даже великий писатель. С тою только разницей, что в основе музыки лежит всего семь нот, а в азбуке более тридцати букв. Не говоря уже о количестве слов и словосочетаний в море языка.

Тем не менее, всё это не касается души, ритмов её. Это отдельно.

*«...не достоялся Достоевский.
Перетолстил Толстой.*

Но кто,
Кто состоялся?
Дед Пихто.
Немотствующий, дословесный...»

6. Дед Пихто и Орфей

До-Словесность – Словесность – После-Словесность...
Что это? Картина завершения мира?
Пред-Жизнь – Жизнь – За-Жизнь...

– Чем велик ты, скотина?
– Да ведь не этим же... не доблестями всякими там...
– А чем?
– Несказанным... в основном – несказанным. Неосязаемым...
– Что это?
– Поживи, милый, поживи. Изживи зернь, хоть и плоть... откроется многое, многое, многое...

Триста лет позорища Романовской династии, после Петра сплошь немецкой.
Да не национальный признак здесь определяющий! Сложность и путаница в том, что и международную политику, и жизнь народную определяли романовские идеологи сугубо европейской статью, по-русски изуродованной европейской меркой. Тогда как само евразийское пространство, сама история, казалось бы, говорила такое очевидное!..

Талант, это когда позвоночник от прочитанного вздрагивает.
Гений, это когда Благодать *нисходит*...

Двести лет позорища русской светской поэзии...
Орфеево, европейское начало оказалось во главе русской поэтической эстетики. Светской эстетики. А какой, к чёрту, Орфей в России? Тут не Орфей главный, тут главный — Дед Пихто. Великий. *Неосязаемый*...

В этих двух племенах крылось некоторое различие. Почётным жителям в племени Зуба издревле доставались самые удобные, веками обихожённые естественные пещеры, которые можно было расширять и углублять по своему разумению – для личных надобностей разветвлявшегося рода, но не подрывая при этом Красной Скалы, разумеется. А в племени Капельки почти все пещеры были рукотворные.

Не это изумило Зуба. Оказывается, Капельку изгнали из племени за то, что она густою охрой, накануне Праздника Забоя, искренне желая порадовать соплеменников, разрисовала Священную Считальную Скалу. Причём, сами долговые числа, выбитые старейшинами их племени, почти не были замалёваны. Она лишь провела ромбо-точечные узоры по периметру Скалы, и только. Но старейшины сочли

это страшным надругательством над Святыней, над Считальной Скалой. Важно изрекли, что лишь благодаря Скале все знают кто кому должен, кто лучший в племени, кто подлежит наказанию!

Это было корневое Уложение племени, его главный закон. А несчастная сиротка Капелька, с детства возившаяся лишь с красками, толочшая цветные камни в ступе и малевавшая диковинные картинки на каждом плоском камушке, всегда была чужой в племени, никому не нужной дикаркой, только отъедавшей Общую Долю, а значит, вполне никчемной единицей. Ей и выдавали еды меньше других, и она росла худенькой, забитой девчужкой. А тут ещё эта, Считальная Скала...

Боготворя Орфея, забывают, что это очень жестокий бог. Ревнивый песнопевец. Настолько ревнивый и жестокий, что однажды, услышав о песнопевце Марсии, возревновал к его славе и вызвал на состязание.

Марсий перепел Орфея... Дурак!

Орфей, используя верховные полномочия, велел содрать с Марсия кожу. Живьём. И кожа эта висела на ветках, сушась под солнцем, развеваясь и позванивая на ветру, в назидание другим.

Боги жаждут, не забываетесь!..

Подвиг Хлебникова повторил в 20 веке, на казахской почве, в тюркском космосе, но на русском языке – вот что поразительно! – Олжас Сулейменов. Тоже сильно недооценённый современниками поэт, как и его русский кумир. Ещё в своей геологической молодости, где-то в пустыне, в палатке, в дефиците воды и пищи, он писал:

«... хлеба нет, но зато есть Хлебников...»

Это говорит о многом: не самых хрестоматийных классиков золотого и серебряного века он ставит превыше хлеба, но – Хлебникова...

Как некогда Хлебников через голову великого Пушкина перелетел к древним корням и вернул живую воду первоисточка, Сулейменов через голову великого Абая перелетел к истокам и подлинным ритмам своего, степного народа. И несколько Абая не унизил, тем более «не отменил». Да и возможно ли отменить гениальное?..

Абай был не только русофилом и переводчиком Пушкина, Лермонтова, но и всю ритмику русского гения перенёс на казахскую почву. Выдающийся человек, это понятно каждому, кто соприкоснулся с его творчеством и биографией, особенно с его песнями. Но то, что удалось Абаю в силу его гениальности, не удавалось потом никому из казахских письменных поэтов. И вот уже сто с лишним лет его последователи (или подражатели) «пушкинскими» ямбиками, перенесёнными на казахскую почву, пытаются выразить душу своего народа. Но, похоже, ни души, ни природного ритма заёмными формами в полной мере передать невозможно...

Сулейменов пошёл на шаг рискованный – именно русским языком сумел передать ритм, дробь и грохот конских копыт, вернуться к изначально степной поэзии, к ломаным ритмам древних певцов-воинов. Их называли жирау...

Асан Кайгы, Копламбек-батыр, Бухар-жирау, Махамбет... многие другие. Они, нередко остававшиеся безвестными певцы и батыры, заложили природную основу казахской поэзии, где грохот и запах полынной степи проступает в каждой строке...

Одна «Глиняная книга» Сулейменова чего стоит! А его лирика?

«...в эпохах неслыханных, китовых, в тугоплавных ритмах многотонных...»

«...мы пролетим по краю, город и степь накрень!..»

«...успокойся, скакун, это всходит луна!...» – Стихи можно цитировать и цитировать...

Сулейменов подобно Хлебникову сумел, обернувшись через время, извлечь драгоценные для своего народа образы и мелодии, перенести в сегодняшний день, и архаика оказалась современной «устоявшейся» современности. Или представления о ней. Этот мощный опыт, этот подвиг поэта ещё предстоит оценить по-достоинству.

Как и подвиг Хлебникова, конечно.

...а ещё и внедрили в русскую поэзию диковинные термины: «Христианская поэзия», «Православная лирика»... что это такое? Может быть, просто «безгрешные вирши»? Но тогда это не более чем уход в те же 16—17 века, в польско-латинскую силлабику, полностью очищенную от «красивых соблазнов». Там-то уж точно вирши были безгрешны, подцензурны церковным иерархам, среди которых был крупнейший стихотворец той эпохи Симеон Полоцкий...

Но тогда зачем был прорыв Третьяковского, Ломоносова, а потом и Баркова с Пушкиным? Они хоть по форме и содержанию во многом европейские, но душою-то русские, да и стих освободили...

Но – где во всех четырёх Евангелиях поэты? Есть рыбаки, мытари, блудницы... Простые души дороги были Ему, а не извитые соблазнами, прелестями мира.

Нет великих скульпторов, музыкантов, художников. А они были, да какие! Это достоверно известно. Только Он словно бы и не видел, не желал замечать.

Чего городить про какое-то особое «Православное направление»?

Безгрешны в своей основе и Велимир Хлебников, и Ксения Некрасова. Только их почему-то не шибко причисляют к стану «Христианской поэзии»...

Поэзия и в Африке Поэзия. И ничего более. Суть её, или, по-научному, «базисную основу» лучше всего выразил знаменитый акын.

Когда его осыпали почестями на одном из писательских съездов, стали «брать интервью», он не вполне понимал – чего им нужно, этим, суетящимся вокруг него людям? Наградили – и хорошо, денег дали – хорошо, переводчика дали – совсем хорошо! А зачем вопросы задавать?

Когда ему всё же растолковали суть вопроса: как он пишет, как создаёт свои замечательные произведения? – Старик расхохотался и ткнул пальцем в переводчика, известного поэта Павла Кузнецова, буквально приставленного «сверху» к прославленному акыну:

– Это он, Пашка, пишет... а я – **пою**. Как?

А так: **Степь вижу – степь пою, горы вижу – горы пою.**

Эту чеканную формулу золотом бы на мраморе! Впрочем, сталинские идеологи практически это и сделали – внедрили в учебники. И даже назвали старого акына степным Гомером.

А ведь умны были, черти! И сравнение точное нашли. Гомер величественен. Не умничал, не морализировал, просто пел. Именно **пел**. Пел всё то, что и составляло Жизнь с её богами, героями, царями, победителями, побеждёнными.

Победил? Значит, прав. Нечего рассусоливать. Победителя вижу – победителя пою. Красавицу вижу – красавицу пою. Это не голое фиксирование факта, это Гимн Жизни – такой, какая есть.

Баснословная слепота Гомера не в счёт. Всё видел. И видел лучше других.

А то придумали тоже – «Тема», «Композиция», «Фабула»... какая, на фиг, фабула?

Степь вижу – степь пою, идиота вижу... почешу репу, идиота пою.

Минчензайнера вижу, промоутера... уста немотствуют.

Неандертальца ищу...

Побочные дети Хлебникова, его детишки «обериуты» – ранний Заболоцкий, Хармс... – вот у кого язык современных детей. Особенно, если прислушаться, разглядеть в Интернете, в блогах и живых журналах лепет, говорок современных детишек. Эти сокращения фраз, игровое калечение слов, типа «Поганский язык», «Олбанский язык» и проч. «Дыр, бул, щир, обещур...» – вот где кручёныховская заумь становится умной, а Хлебников приближен к нам. Особенно к детям.

А если приглядеться к Писанию, к словам Его о детях?..

Бытует мнение, что Хлебников язычник. Но вот ведь, поди ж ты, этот «язычник» ближе других оказался к Писанию, к сути Его. «Будьте как дети...».

А Хлебникову и не надо **быть**, он всегда есть, был — *дети*.

Нет, главный в России не Орфей, он подходящ для маленькой Греции, Бельгии, даже для не очень маленькой Франции. А в России главные – Великаны.

Дурни несусветные: Лаптевы, Хабаровы, Дежневы... и чего их тянуло на край земли? Первые парни на деревне, крепкие ребята, ушлые, работающие!.. Лучший дом на побережье, коли захочешь – твой, лучшая девка – твоя! Так нет же... не только на край земли, но и – за край!

Зачем, для чего? А – надо! Жадность, жирность, страсть... вот что движет русским человеком, то есть – Великаном, то есть – дитём (гляди, как жадны и страстны дети в своих играх!)

...

Это не альковный Орфей, мучительно и коварно подкосивший чуть ли не всех русских поэтических гениев. А чем подкосил? Прелестями, искусствами, соблазнами...

Да какими! Самыми пошлейшими:

«...вот и маленькая ножка,

Вот и гибкий круглый стан,

Под сорочкой лишь немножко

Прячешь ты свой талисман...»

И это один из гениальнейших русских поэтов, Лермонтов. Правда, очень ранний, юный Лермонтов.

Тут даже не в юности дело, эта *пошлейшая* нота насквозь пронизала всю великую русскую поэзию. Пронизала самых гениальных творцов, подкашивая их, унижая (неведомо для них самих же!), опошляя, уводя от Главного!.. И этот *талисман*, чуть прикрытый сорочкой, воцарился, как в альковах, в стихах почти каждого светского поэта... да русского ли поэта?

Гениальные, не очень русские великие... европейцы были они. Душой русские, а по форме и содержанию – почти все из «Войны богов» Парни. И только Октябрьская Революция, смею утверждать, породила несколько истинно русских поэтов – великого Хлебникова, Есенина, Маяковского, Ксению Некрасову, Андрея Платонова...

Главный – не сын Орфей, не отец Морфей. Кто? Дед. Дед Пихто.

И главное в России – Гимны. Гимны Солнцу, небу, земле, травке малой... Плодородию. Вот его-то, Плодородия, и не стало без этих Гимнов, великих песен, былин, народных, исторических, лирических песен, сказок, пословиц, поговорок...

То есть, они никуда не делись, но всегда шли в стороне, в теневой стороне, как бы на отшибе от большака. А вместо них целых два, если не три столетия красовалась пошлейшая и – гениальная порою – светская поэзия.

Жалко, как жалко... столько сил ушло на «прелести»! И – по инерции – всё уходит, уходит, уходит...

Когда у России был мощный боевой гимн:

«Гром победы, раздавайся,

Веселися храбрый росс...» – победы были великие. Канцлер Безбородько, сдававший дела молодым приемникам, сказал между прочим:

«Не знаю, как у вас, молодые люди, дело поставлено будет, но вот при нас ни одна пушка в Европе не то что выстрелить не могла без нашего на то соизволения, жерло развернуть не смела».

А потом всепобеждающий гимн сменился верноподданническим: «Боже, царя храни...». В итоге ни царя не сохранили, ни великой державы.

Сила Гимна...

Деление поэтов по кастам:

Пушкин – кроманьонец.

Хлебников – неандерталец.

Но остаётся, вопреки всему, Настоящее в русской поэзии, остаются её Великаны и, конечно, великая русская проза. Менее грешная перед Богом, нежели русская поэзия, но проза. Более позднее и тяжёлое образование, нежели русская поэзия.

...хочется сказать напрямую о карликовом начале, поедающем Великанье, как мелкие мураши скопом пожирают огромных, великих, большеглазых муравьёв, но напрямую не выйдет – узелок в клубке расплетают неторопливо, по ниточке...

Настоящий неандерталец:

На всякий лай, на всякий гавк:

«Козла на мыло, на табак!..»

Он достаёт свой ноутбук

И расчехляет томагавк...

7. Бессемянность

Томагавк, помноженный на ноутбук, даёт ньюнеандертальца.

А почему нет?

Рубило, помноженное на компьютер, даёт вначале шарманку. А шарманка предок компьютера. Первокомпьютер. (Подробности ниже, глава «Рубило-компьютер»). Потом рождается программист. И только потом этот, заматеревший в столетиях ньюнеандерталец пишет свои пещерные, но вечно авангардные алгоритмы...

Таинственный, незавершённый рассказ Набокова «Ultima Thule»...

Великий рассказ Бредбери «В дни вечной весны»...

И всё это сводится к детству, к Писанию.

Сын Набокова спрашивал отца, а есть ли хотя бы ключ к разгадке незавершённого произведения? Отец сказал – есть.

Вот тут я поверил мистификатору-Набокову. Долгое время искал этот ключ. И, кажется, нашёл. Не саму разгадку, но направление пути к ней.

Коротко, суть рассказа в том, что некий Фальтер, после очередного «гигиенического» визита в публичный дом, шёл себе по улице, насвистывая весёлый мотивчик, ощущая чудесную лёгкость (облегчённость) в чреслах, зашёл в номер отеля, и вдруг...

Каким-то невероятным образом, помимо своей воли, он вдруг проник в Код Мира, и, что самое потрясающее: «...его не убила **бомба истины**, разорвавшаяся в нём...»

Он просто заорал на весь отель. Орал безумно, долго, вздулись все жилы, его разрывало от проникновения Истины. Сбежались служащие, постояльцы отеля, вызвали полицию, медиков. И когда, после четверти часа непрерывного нечеловеческого воя, он отчасти пришёл в себя и рассказал врачу-психологу то, что ему открылось, врач... умер. Не выдержал взрыва внутри себя «бомбы истины». И тогда Фальтер замкнул уста.

Он не хотел быть убийцей.

Из рассказа понятно, что сам Фальтер смог выдержать нахлынувшее на него лишь потому, что был необычайно силён и вынослив.

«...весь его сильный склад (не хрящи, а подшипники, карамбольная связность телодвижений, точность, орлиный холод) ... было из чего вычитать...»

Интересно, что Фальтер в ходе витиеватых допросов, не желая открыть открывшееся ему, как бы намекал, что сам-то код мира весьма прост, и его можно было бы выразить минимумом слов...

Взявшись за разгадку этого рассказа, я понял (после нескольких кропотливых прочтений-перечтений), что тайна скрыта не только внутри этого рассказа, но и далеко вовне. Набоков литературно невероятно изощрён, его ассоциации и скрытые смыслы перемигиваются со всей мировой литературой, со всей человеческой культурой.

Всю обозреть невозможно, но вот, попался, словно бы сам «вышел на ловца», изумительный рассказ Бредбери «В дни вечной весны».

«...совокуплялся, преступал границы,

И вновь грешил, чтоб всякий раз казниться...

Но если жизнь, как Логос, наложит

На совокупность всех совокуплений,

Вглядишь – ты ни грехов, ни преступлений

*Не разглядишь под жирным словом **ЖИТЬ**».*

(Из опусов Великого)

* * *

Мальчик 12-ти лет живёт в американском небольшом городке, в прекрасной семье. Он счастлив, его любят все, и он – бессмертен. Утром он ощущает всей кожей это счастье бессмертия и любви – луч из окна озаряет добрые родительские лица, падает на чашку молока, на утренний бутерброд, и это счастье – физическое. Он его ощущает с утра до вечера. А к вечеру уже – смертен. В чём дело?

В тёмном овраге ли дело? В подружке ли однокласснице? Но ведь и овраг этот, и соседская девочка были всегда, сколько он себя помнит. Так в чём же дело?..

Школа за оврагом, мальчик с соседкой всегда вместе ходили туда по мосту через овраг, и всё было прекрасно, но в этот день...

В этот день на обратном пути у девочки сломалась туфелька... мальчик, разумеется, помог девочке... она его невинно обняла, а потом... а потом у мальчика что-то взорвалось внутри – девочка нежно и властно притянула его к себе, и – поцеловала.

Вот и всё. Мальчик ещё не понял, что произошло, ещё не определился с местопребыванием своим – на небе он, на земле? Только вечером с ужасом осознал, что кончились дни вечной весны, кончилось бессмертие.

А всего-то – тёмный овраг, всего-то – светлая девочка... утром ещё бессмертен, а вечером уже нет...

Этот маленький шедевр Рэя Бредбери многое мне открыл, помог в распутывании той загадки, которая оказалась не только загадкой Набокова, но и гораздо более существенной.

*«...разбрызгиванье семени, затменьё
Любви и нежности, поползновеньё
Кровавой тьмы, предвестницы войны...
Граница пола – вот первограница
Войны и смуты, вот где коренится
Игла и жало, корень сатаны...»*

(Из позднего опуса Великого. См. ниже, в части «Певчий Гад»)

Потянулись нити ассоциаций, и первое, что резко вспыхнуло в сознании, это один из ранних рассказов Льва Толстого. Там есть поразительное место, где чистый юноша-матрос после угарной беспамятной ночи с припортовой шлюхой пьёт и плачет в кабаке, окружённый матёрыми морскими волками, восклицает нечто до ужаса пафосное и смешное, вроде: «О, мой розовый, чистый бутон!.. О, моя утерянная невинность!.. О, моя утраченная свежесть!..» – Что-то всё в таком духе.

Самое удивительное, матёрые волки не смеются, но – утешают юношу! Вероятно, чуть ли не каждый из них когда-то пережил нечто подобное, просто память об этом угасла, и та «потеря» давно не кажется им потерей. А здесь – кровоточащая рана в юношеской душе. И они жалеют её, бессмертную душу, ибо она уже отделилась от чистого юноши, сошла в смертные сени.

Может быть, и здесь – осознание потери, как потери бессмертия?

А потом уже Есенин подхватит «О, моя утраченная свежесть, буйство глаз и половодье чувств!..» И Есенин подхватит, и товарищи подпоют – может быть, не осознавая даже, о чём великий поэт прорыдал?

Это литература. В ней многое преувеличено. Ну а ежели всё это тысячекратно усилить и наложить на состояние человека (героя Набокова) тысячекратно осознавшего ужас истины, ужас утраты бессмертия вместе с утратой священного, бессмертного семени?

Или – с предчувствием неизбежной утраты его, как в рассказе Бредбери?

Бессемянность Христа...

Зачем, почему бездетны и бессемянны великие – Христос, Сократ?..

Ветхий Завет увещевал: «Плодитесь и размножайтесь», размножайтесь все, без разбора на чистых и нечистых. Это древнее увещевание в полноте звучало, кажется, лишь до полного грехопадения человеков, до гендерного и прочего содомского развращения. А в Новом Завете – лишь простые души, невинные дети – залог провиденциального Спасения...

Да ведь и Хлебников по сути ребёнок, не расплескавший семени попусту (расположение, деградация и бесконечное уменьшение Адама в верховном контексте), и он, ребёнок – великий пример сказанного: «Будьте как дети, ибо их есть Царствие Небесное...»

*«...а может, гений потому и гений,
Что чарам чужд соитий, средостений
Души в давящие плоти и тоски?
Он Свет, а не послед, стопою брэнной
В мирах не наследит он, по вселенной
Шаги его прозрачны и легки...»
(Из того же опуса Великого)*

Разгадка рассказа Набокова и в Евангелии кроется. Надо бы подробней, но тут, пожалуй, богослов более вооружён. Во всяком случае, мне это понятно. Надеюсь, будет и читателям тоже. Не полные же дураки... не все, конечно, дураки...

Зуб заострённой палочкой, слегка подпалённой над огнём, выковырял остатки мяса изо рта, молча махнул рукой Капельке, продолжавшей тараторить и веткой уже показывавшей на земле, какие узоры она нарисовала на той злосчастной Считальной Скале. Зуб коротко рыкнул на неё.

Капелька испуганно смолкла и замерла над земляным рисунком с веточкой в руке. Поняла, умница, что надоела Зубу. Так много слов в его племени не говорили, и Капелька это знала. Точнее, слышала от стариков своего племени.

Зуб надолго замолчал и стал думать. Он думал медленно, мощно. Тёмные желваки катались на его выдающихся скулах, мысли были глубоки и тяжелы. Ясно одно – оставлять её на съедение диким, свисающим с деревьев тварям здесь нельзя.

В родном племени её тоже не примут – покушение на Святыню – Белую Считальную Скалу там не прощалось никогда и никому. Как и в его родном племени попрание святынь не прощалось. Странно ещё, что они отпустили её с Того берега живой... или сбежала тайком? Возможно, возможно...

Но Зубу было жалко её, такую беззащитную. А кроме всего, он сразу, с первого взгляда проникся к ней непонятным, неизведанным прежде чувством. С Пикалькой, его покойной женой, было всё иначе. Они росли с детства вместе, в соседних пеще-

рах, вместе забавлялись, он знал, что она станет ему помощницей в жизни, а в своём широком лоне выносит много детей. И взрослевший Зуб с удовольствием наблюдал как у неё расширяются бёдра, подрастают груди, всё ниже свисая по упругому смуглому животу, крепнут ноги и руки. Всё было ясно с любимой Пикалкой, всё пред-
решено. А эта, эта...

Худенькая, руки тоненькие, особенно в запястьях, ноги непонятно зачем такие длинные... а уж торчащие груди!.. Что с ними станет, если она всё же выносит детей от Зуба? Ба-альшой вопрос. Они и так упруги, словно бы чем-то налиты, где уж тут место для молока? А вдруг они просто лопнут от нахлынувшего молодого сока?.. Ничего не понятно было Зубу. И он тяжело, темно и скорбно думал...

И все – убийцы. Даже женщины. Мужчина – убийца миллионов.

Миллионы сперматозоидов рвутся к матке, но один, первый, должен победить (убить) остальных.

Женщина – убийца яйцеклетки.

Но сколько их, абортированных или просто смытых в унитаз оплодотворённых яйцеклеток?..

Вот он, «Ужас Фальтера» из рассказа Набокова, ужас, в котором и «убийцы» и «победители» – заодно.

У женщины созревает в среднем 12 яйцеклеток в год. У мужчины при каждом выбросе спермы – миллионы сперматозоидов. И большинство убивается тут же, изначально. Сливается в канализацию. Тут уж и мужчины, и женщины убийцы по соглашению. Хотя у женщин столь «массовое убийство» реже. Меньше. Не оттого ли они менее тяготеют к убийству?

Ну, и какое тут равноправие? Мужчина более полигамен, по определению, женщина моногамней. Что также естественно. Значит, религиозные ограничения не естественны, но устремлены к областям искусства? Композиция общества, ячеистость, структура семьи, фабула общежития, законы построения белковых соединений, устремлённость в сверхбелковость, метафизичность...

*«...люди, Господи, ну дети,
Я живу среди них, тупея,
Говорят, что был на свете
Городок Пантикапея.
Мало им травы полыни,
Мало им куса ржаного,
Был – твердят себе поньне —
Ганнибал и Казанова.
И откуда знают это?..
Ладно, я сентиментален,
Я поверю и в поэта,
Был бы он материален,
Было бы за что потрогать,
Было бы чего погладить,
А потом его – под ноготь,*

*Чтоб не смел словами гадить.
Слово, это птица Бога,
Кто за хвост её поймает?..
Господи, как одиноко,
И никто не понимает!..»*

* * *

8. Обмылочки

Никто не понимает значения слов. В лучшем случае, люди просто не придают значения словам, и уж тем более не обременяются поисками их изначальных истоков, корней. Непрожёванность смыслов – следствие утраты родовой связи со Словом.

*«...Две девчушки, хмельком распоясаны,
Заливаются в школьной гурьбе:
– «Ни х... себе?..»
– «Ой, ни х... себе!..»*

И чего накликают себе?..»

Да известно чего. Молоденькие дурындочки накликают себе безмужную жизнь, бездетную старость. А задумались бы однажды, без шуточек – от чего это вдруг дети на свет появляются? Уж не от того ли самого, что они, безмозглые, сейчас отвергли, оттолкнули от себя? Во всяком случае, произвели словами ритуальный, магический отворот. Когда этакое бормотнёт мужик, можно понять. В подкорке читается примерно следующее: он не пидор, и не хочет им быть. Но девушке-то это зачем?

Полная отчуждённость от слова. Это даже не матерное, не материнское выражение в её... нет, «в её устах» не годится. В проспиртованной, проникотиненной молоденькой пасти это даже не сквернословие. *Пустословие*. Жалко... как жалко...

Язык с повышенной энергетикой, страстный, матерный язык отвергается Церковью в силу именно что страстности. Долг священника оберегать человека от страстей, от излишних эмоций, разрушающих внутренний образ. Но сам древний язык – это язык волхвов, волшебный язык, который люди почти наглухо забыли и понятия не имеют о том, как им пользоваться во благо. Пожалуй, лишь три его функции живы донныне: язык анекдотов, язык технический (машину из грязи, к примеру, без мата не вытолкать), и язык военный, язык схватки, боя.

А были времена, им лечили недуги, прибавляли мужской силы и женской привлекательности. Это сложнейшее знание практически утеряно. Как по косточке мамонта реконструируют всего мамонта, так по обрывкам древних заговоров догадываемся о величии, мощи и – опасности этого языка.

Древние знали точное время года, лунные и солнечные циклы, когда можно было воспользоваться им без урона. Причём лишь в определённое время суток, оборотясь в определённую сторону света, лишь в определённом порядке произнося волшебные материнские слова. Иначе, нарушая законы Слова, человек мог разрушить себя. Древние это хорошо понимали и не матерились всуе, попусту...

Нынешнее матерное пустословие используется лишь в качестве языковых подпорок: нехватка правильно подобранных слов, латание эмоциональных

дыр, междометий, языковая скудость.

Но и тут «две большие разницы».

Женское и мужское сквернословие далеко не одно и то же. Если мужик, сквернословя где-нибудь в подвыпившей компании вредит только самому себе, то женщина, сквернословя публично, разрушает ауру всей компании. Особенно мужчин. В частности, угнетает потенцию, блокирует психику.

Ещё до прочтения медицинской статьи, где это доказывалось с научной точки зрения, я нутром чуял разницу между мужской и женской руганью.

Сквернословящая женщина странным образом теряла свою привлекательность, вся словно серела или чернела изнутри, черты лица как-то по-особенному заострялись, она становилась неинтересной, глупой, злобной, портилось настроение.

А девочки, бессмысленные девочки... что уж тут...

*«...между пропастью и рожью,
Между глупостью и ложью...»*

Но вот две другие девочки – лет пяти-шести, на детской площадке. Дружно играют в песочнице. Вдруг одна встаёт и говорит другой:

– Я не могу больше с тобой играть...

– Почему?

Девочка отвечает серьёзно и с достоинством:

– Я обтрёхалась.

И другая девочка не смеётся, а говорит так же серьёзно:

– Иди домой...

И та идёт. Не бежит, причитая на ходу, идёт с достоинством...

Любовь и Понимание, Достоинство и Серьёзность – вот вещи, которые нас держат на этой земле.

А вообще... да все мы, по большому счёту, «обтрёхались»!

Вот только сказать об этом с достоинством и серьёзностью, а главное – с Любовью не можем... или боимся.

А дети не боятся.

Но ведь все – друг друга! – поймут. Ибо все сами такие же, обтрёханные... и, в конце концов, на земле это не более чем физиологический факт – ну обкакались, ну, не вышло нечто, намечтанное в юности... так ведь у всех, по серьёзному счёту —

Не вышло.

...так, во-первых... что скажут одноплеменники? Странная, беловолосая, лядяценькая – кому и как пригодится в их племени? А главное, она же из Других! С ними запретили общаться сами Великаны. Велели не враждовать, не убивать их, но и не общаться.

У Зуба был, правда, в запасе один, но мощный довод: сам Родоначальник племени Ур – его лучший друг. И, судя по всему, после его смерти именно Зуб дол-

жен стать Родоначальником. Но другие, особенно злобный и завистливый Урыл? Он почему-то возомнил, что после смерти Пикальки Зуб зарится на его жену Угладу.

Она была хорошая женщина, добрая, отзывчивая, но Зуб от неё ничего другого не хотел, как только пригляда, да и то иногда, за его малышами, когда удалялся надолго. Но и то ведь сказать, подрастали старшие дети, особенно смыслённый не по годам Лоб, и теперь Зуб всё реже просил соседа об услуге. Но, затаивший однажды злобу Урыл, был способен на многое.

Правда, за Зуба могли сказать своё слово Искр, Бег и Быстр – лучшие из охотников, друзья Зуба. Их слово куда весомее корявенького и трусоватого Урыла.

Да, большинство, скорее всего, будет за него на Совете. Но... она ведь – Другая! Такое очень редко бывало. Хотя и бывало – рассказывали старики – Другие живали в их племени, это верно. Но, как правило, недолго. Слишком разные они, люди с тех берегов. А может, и с разных планет...

А вот ещё два выдающихся «прокола». Возьмём для примера Владимира Набокова...

Он вполне оценён, и ныне, сдаётся, даже переоценён как прозаик. Но, что ни говори, простоял он свою жизнь с редким достоинством. Повезло ему – в лагерях не парился, на войне не умирал. Родители увезли юношей в Европу и там, с его недюжинным даром, он смог достойно простоять всю долгую жизнь, ярко пронести над миром творчество. Особенно поэтическое. Это моё мнение, не навязываю. Но и в стихах, и в прозе он, вполне благополучный гражданин мира, вынес диагноз человечеству: «обтрёхались» мы по большому счёту, как цивилизация.

А вот проза Геннадия Головина, нашего современника, досадно недооценённого прозаика – русского, советского. Он, в отличие от блистательного Набокова, образно говоря, стоял по горло в дерьме, но, что самое поразительное, сумел – в нищете, бездомье и длительном непечатании – простоять с поразительным достоинством.

Перечитать хотя бы дивную повесть «Анна Петровна» – какое наслаждение от почти невероятного ныне русского языка, светозарного образа героини, да от всего!..

Как это удалось, откуда взялось такое достоинство? – вот главная загадка его прозы, по тонкости и мощи языка иногда превосходившей Набокова. И он, как та девочка из песочницы, мог честно констатировать: «Мы обтрёхались... я в первую очередь...»

Но как сказать такое с достоинством, стоя по горло в дерьме? Как это вообще можно себе представить?..

А вот сказал!

О любви сказал, о немощи человека сказал... и опять – о Любви!

Все обтрёхались, прозябающие на земле... кроманьонцы...

Классическая загадка: почему Пушкин, публикуя большую подборку стихотворений Тютчева в своём журнале «Современник», дал подзаголовок

«Стихотворения, присланные из Германии»?

Самый простой ответ: потому, что стихи и впрямь были присланы из Германии почитательницей Тютчева. Но не всё ли равно по большому счёту, откуда в редакцию поступили замечательные русские стихи – из соседнего дома, из туманного Альбиона, из Германии? К чему это подчёркивание, что именно из Германии? Ой, чтой-то не всё здесь так просто...

Предложу вариант разгадки.

Даже поверхностно оглядев поэтическую панораму начала и середины 19 века, нетрудно заметить негласное деление на касты: Пушкин и его круг – «французы», галломаны. Ориентированные на французскую культуру литераторы.

Ориентация Лермонтова – англо-саксонская. И не только потому, что наполовину шотландец, но и потому, что кумир его, в отличие от пушкинского Парни, лорд Байрон.

По Лермонтову Пушкин не успел пройти. А прошёлся бы непременно, слишком крупная фигура выростала! Прошёлся бы хорошо, не одной эпиграммой. Он ценил крупное, и знал, что даже подтрунивание его дорогого стоит.

Тютчев с юных лет был ориентирован на Германию, её поэтов, философов. Пушкину он, конечно, был чужд. Но Пушкин, как честный человек и прозорливейший издатели не мог не оценить пугающего величия теневого гения. И, публикуя стихи, не преминул дать подзаголовок, словно бы кивнул своим, «своей стае» – мол, вы, ребята, понимаете, это не наш круг, мы, французы, с немцами не очень близки... но снизойдите ко мне, ребята, с пониманием, не могу я **такое** не опубликовать. Последним подлецом и болваном себя буду чувствовать, если не дам ходу этим, пускай «немецким» стихам...

Классическая загадка. И дело здесь не столько в такте и тактике «литературной схватки», но – бери выше – во всей стратегии поэтического поведения. В ней не место для выяснения кто лучше: «ваши немцы» или «наши французы»? (Разумеется, «наши», мы-то, французы, это хорошо знаем!), нет, место – всем. То есть, всему достойному, высокому.

И загадка классическая, и стратегия великая...

В знаменитой литинститутской общаге 70-х, где мы не только пили-гуляли, порой занимались кое-чем ещё, в основном литературно-поэтическим, однажды, во время бессонницы, я с моим другом, ныне состоявшимся поэтом и писателем, а тогда начинающим сочинителем В.А., делившим со мной крохотный отсек общаги, задались глупейшим вопросом, приведшим, как это не дико, к литературоведческому открытию.

Стоит поведать...

Не спалось. Шёл пятый час утра, в шесть мы должны были выезжать на перекладных в незабвенный центральный бассейн, куда нам давали бесплатные талоны. Туда, наряду с нами, были прикреплены ещё два учреждения – Большой театр и Генштаб. Там, после пары километров плавания, а потом отдыха в «генеральской» парилке, мы выходили на лекцию как новенькие, даже и злоупотребив накануне.

То есть, спать уже не было смысла. Я взял потрёпанный томик Тютчева из нашей, непонятно как образовавшейся «библиотеки», состоявшей из разрозненных книг Пушкина, Лермонтова, того же Тютчева, нескольких мелких книжечек современных поэтов, и стал перечитывать. Когда добрался до стихотворения «Фонтан», меня словно прошибло – да как же я не замечал прежде, что это чистейшей воды графомания! В те времена любой чиновник считал чуть ли не долгом дать «красивое» описание в стихах этого европейского чуда – фонтана. Или, по-русски, водомёта.

Но несколько строк из этой «графомании» всё равно странно встревожили. Я чуть ли не криком оторвал моего друга от вялого чтения какой-то современной книжонки и поделился догадками. Он тоже задумался. Это была концовка «Фонтана»:

«...как жадно к небу рвѣшься ты!..

Но длань незримо-роковая,

Твой луч упорный преломляя,

Сверкает в брызгах с высоты».

– Давай подумаем, один хрен делать нечего – сказал я другу – что это за длань такая? И о чём вообще писал поэт? Если просто о фонтане, графомания. Но ведь не похоже, очень

даже не похоже на то, чтобы гениальный поэт вдруг занялся провинциальными поделками «на тему».

– Да-а, не похоже... – ответил друг – давай думать...

После доброго получаса перебора вариантов, мы каким-то чудом вышли на предположение о том, что это – о поэтическом творчестве. Причём не о любом творчестве, но о лирических – именно лирических! – шедеврах.

Сейчас это кажется очевидным, но тогда... вообще непонятно почему мы вышли именно на лирику и предположили (благодаря Тютчеву, быть может, который в основном лирик), что каждому, даже самому большому поэту положен свой предел, и любой водомёт лирики, рвущейся ввысь, в бесконечность, поджидает та самая «длань незримо-роковая».

Мы, наглые молодые верхогляды (а на кой чёрт поэту быть низкоглядом?), начали с самых вершин русской лирики. Тем более, в нашей «библиотеке» были лишь три вышеупомянутых классика. Остальное – случайный проходняк, занесённый к нам неизвестно кем, когда и откуда.

Наша задача была, образно говоря, «выдрать жалко из пчёлки». То есть, отобрать именно те шедевры, без которых и Пушкин, и Лермонтов, и Тютчев теряли бы свою бессмертную кинжальность и ядовитость. Были бы просто прекрасные поэты, прозаики, эпики, но не бессмертные лирики! Лирика – главное жало поэта.

Через час скрупулёзного, весьма въедливого перечёта-перечитывания-пересчёта, мы с изумлением обраружили эту «длань». Предел был таков: лишь двадцать пять, от силы тридцать истинных – на все времена – лирических шедевров дано создать даже самым гениальным поэтам. То есть, малую книжицу размером не больше печатного листика. А дальше – «**длань незримо-роковая**»...

Потом, годы спустя, уже чуть ли не в шутку проверяли мы эту догадку на других значительных поэтах, и нигде выше этого предела не находили. Даже потрясающий советский коллективный эпос под названием «Песни великой войны» подпадал под этот «роковой» закон. Более того, у великих песенников Фатьянова, Исаковского, Ошанина, Матусовского не набиралось по большому счёту и двадцати (на каждого, разумеется) подлинных шедевров. Коллективный лирический эпос... требовать тут большего – просто наглая неблагодарность.

С тех пор на вопрос: почему бессмертна именно лирика, я отвечаю цитатой из четырёх строк:

*«Истощают мужчину странствия,
Женицину отсутствие ласки,
Размывают гору дожди,
Разъедает ум униженье...»*

Я прошу ответить на простой вопрос: примерно когда и на каком языке это написано? Я даже не требую авторства, но, тем не менее, люди начинают гадать и называть самые фантастические имена, не имеющие никакого отношения к этим строкам. Я щажу людей, прошу перестать тыкать пальцем в небо и говорю:

– Да не парьтесь понапрасну, это написано вчера... или сегодня... или завтра... да и вообще, какая разница когда на самом деле писано... ну хорошо, три тысячи лет назад на санскрите это написано. Но какая разница? Это – сейчас и навсегда. Тихая мощь и бессмертие лирики...

Была ошибка. Самая чёрная ошибка человека. – Грех. Человек раздвоился. Чёрный человек и Светлый Человек затесались в цельное – в то, ещё до первородного греха – нутро. В переводе с греческого грех – просто ошибка. Но эта «просто ошибка» оказалась чернее преступления. Недаром знаменитый оратор, обвиняя другого, пророкотал на века:

«Это не просто преступление. Это гораздо хуже. Это – ошибка».

Двинулись «косяки». Чёрный человек, возгордясь, вздумал восстать над Светлым. И завязалась – Битва. Битва в каждом, самом простом и самом сложном человеке, облечённом дебелой плотью. В каждом двуногом.

«Чёрный человек» затёсан в каждого. Таится до поры. Не имеет права голоса и вполне безвреден, пока на него не обратишь внимание. Древнейший обряд выкликания демонов. «Не буди лихо, пока тихо» – об этом.

«Чёрный человек» где-то там, в межреберье, как прикованный к скалам лежит, молчит и – ждёт. Ждёт своего часа. Ты, ещё покуда свободный от него, имеешь право голоса, а он нет. Ты ходишь, действуешь, а он недвижим.

Но только прояви слабость, повышенное любопытство к нему (как то, в райском саду любопытство), «Чёрный человек» начинает шевеление. Он разминает суставы, он приподнимается и делает первые усилия, – пытается привлечь к себе внимание. И если ты начинаешь пристально вглядываться в него, начинает бойко расти, обретать самостоятельную силу и страшную притягательность.

Горе, если творческий человек начинает вглядываться в него, а пуще – поэтизировать! «Чёрный человек» перерастает Светлого, становится гигантом. В итоге придавливает, наваливается всей своей чёрною массой, и – душил Светлого. Что, собственно, не раз происходило с людьми. Про всех не дано знать, но есть разяще отчётливые примеры: Моцарт, Пушкин, Есенин, Булгаков...

«Чёрный человек» убил, задавил их, подкормленный их же светлыми силами.

Они – вгляделись в него.

Недаром сказано: *«Если долго вглядываться в бездну, бездна начинает вглядываться в тебя».*

«Чёрный человек» затёсан в каждого. Таится...

Чёрный человек – неверье. Обратный знак – Вера. Противоположный чёрному «Светлый Человек» затаён в каждом, но не окликнутый, может остаться непроявленным. А если приложить усилия по его искоренению, вовсе как бы исчезнет, станет подобием океанического протей, незаметного за толщею вод: плавает себе на дне прозрачным червячком, и его словно нету вовсе.

Неспроста, наблюдая за повадками океанического протей, древние греки дали это имя одному из своих богов. В их пантеоне появился один из самых загадочных персонажей – бог Протей. Он мог приобретать любой облик, любую форму, когда требовалось.

А уж какое дивное создание океанический протей! В зависимости от ситуации он способен видоизменяться, как и его одноимённый древнегреческий бог-побратим. У него порой вырастают плавники, и он уже более рыба, нежели червячок. Всё зависит от ситуации: рельефа местности, давления водных масс...

Светлый Человек – совсем иное. Если человек радостно окликнул, взгляделся попристальнее, Вера начинает расти и самоокрыляться. А в итоге окрылять тебя.

Никто не разгадал тончайшей механики молитвы, да и не под силу это людям, но каждый, хоть раз искренне молившийся, замечал: вместе с молитвой непостижимым образом вырастаешь и ты сам. Ты не верил, или тебе казалось, что не верил, да и молитву-то начал без особой ещё веры, с одной только искренней страстью, мольбой о помощи... но в самом движении души вдруг ощущаешь невыразимое и непреложное – тебя окрыляют!

Ты обратился, ты заметил, и оно – ЭТО – стало расти вместе с тобой, и вот уже становится больше тебя, маленького и слабого. Но – окрылённого, но – слившегося с ЭТИМ, и потому ты теперь кратно сильнее, светлее себя прежнего, не обратившегося ещё...

Это тебе не «Чёрный человек», это не задушит, – вознесёт. Только взглядишь. Вглядишь попристальнее. Увидь себя не маленького, слабого, но – окрылённого, слившегося с ЭТИМ, потому и ты теперь кратно сильнее, светлее себя прежнего, хотя и не обратившегося ещё в мощного Светлого. Но всё равно, это уже не «Чёрный человек». Это не задушит, а – вознесёт. И прибавит толику злата в огненный кирпичик. Ты этого не заметишь. Не скоро заметишь.

Но – вглядывайся. Вглядишь попристальнее в битву, ещё не в Битву Светлого с Чёрным, начни с простых чудачков, с перевёртышей – с человек. То страшных, то не очень. Разглядишь Истину? Вряд ли. Хорошо, если – Середину...

Истина посередине, как солнце в зените – не отбрасывает тени. И смотреть больно, и разглядеть трудно... если всё-таки разглядишь. Чаще всего очевидное люди не видят, это не бросается в глаза. В очи. Бросаются крайности.

Перед Битвой человек красен, красив, счастлив. Тучен страхом предстоящей схватки. Переполнен, как цветущий мак, жизнью. Её не было прежде. Казалось, что она, жизнь, есть, но по-настоящему не было. И – вот она, страшная, переполненная кровью, как постоянный ток, энергией Битвы. Это не пунктирный, не переменный...

Вижу, Прости Господи, в мире неандертальцев икону: огромный Хлебников, рядом с ним махонькая, по пояс ему, Ксюша Некрасова, и чуть поодаль – Андрей Платонов... но ведь они уже после неандертальцев, после их цивилизации? А вот, стоят, однако...

Не кощунствую, вижу так.

Я о поэтах русских, светлых, прозрачных. О прозаиках же русских и тёмных – отдельный разговор, там не всё так печально, как в светской русской поэзии. Проза наша – более русская по существу. Пусть и не такая гениальная, как поэзия, которая, повторю, не очень-то русская по форме, по содержанию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.